

The background of the book cover is a dramatic, dark illustration of a stormy sea. The water is rendered in deep blues and blacks, with white foam from the waves. In the lower center, a small, crowded boat is being tossed by the waves. The overall mood is one of peril and suspense.

Оливия Вульф

Возвращение на Седьмой Холм

ЛУННЫЙ СВЕТ

6+

Оливия Вульф

**Возвращение на Седьмой
холм. Лунный свет**

«Автор»

2021

Вульф О.

Возвращение на Седьмой холм. Лунный свет / О. Вульф —
«Автор», 2021

ISBN 978-5-532-98546-9

Продолжение увлекательных приключений Вивьен и Софии. Удивительные морские путешествия, загадочные лабиринты большого поместья и сказочная красота захолустья эльфов. Для вас приготовлена нелегкая задача - уметь прощать и быть милосердным. Новые друзья и новые враги, прекрасная даль и такой родной маяк на Седьмом холме. Сказка? А может, быть? Только прикрой глаза и все станет явью. Седьмой Холм это место из детства, куда хочется вернуться. В нем домашний уют, простецкий, но такой милый сердцу, семейные обеды и чаепития у камина, бабушкины объятия, сказка на ночь, летнее ласковое море и теплые шутки родных. Наше счастье так легко брать с собой, но так же легко потерять среди жизненных поворотов. Я надеюсь, что в этой истории каждый найдет частичку детского счастья и беззаботности, которые напомнят ему о Доме и самом главном – чутком чувствовании каждой прожитой минуты, ожидании чуда и веры в волшебство как в детстве.

ISBN 978-5-532-98546-9

© Вульф О., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Оливия Вульф

Возвращение на Седьмой холм. Лунный свет

Слова, как пряжа золотая,
В нить тонкую скрутились,
И нежным голосом чтеца
Узором вышивки сложились.

Вуалью тонкой свет прикрыт,
Ажуром золота сверкая,
Из-под опущенных ресниц
Герои сказки оживают.

И не понять – то явь иль сон,
Глаза прикрыты дремой томной,
А голос все звучит, звучит
И не вернуться, лед уж тонок.

Оливия В. «Сказка на ночь»

Часть 2
Лунный свет

Глава 1

Встреча

Тихое утро занималось над маяком на Седьмом Холме. Изумрудные волны, сверху окрашенные розовым золотом рассвета, мягко накатывали на песчаный берег. Пушистый от пены край волны с шипеньем исчезал в песке. Хранитель маяка Питер очень любил встречать рассвет и провожать закат со смотровой площадки. Ему казалось, что в этот момент он причастен чему-то очень важному, помогая перевернуть страницу прошедшего дня он как страж ночи разгоняет мрак, указывая путь, а утром разглаживает шершавой, мужской ладонью новую, белоснежную страницу жизни, отливающую утренним пурпуром. К вечеру чистые листы будут заполнены, и все повторится вновь. Книга жизни пишется золотом на сердце и согревает его теплом прекрасных воспоминаний. В груди замирало от красоты и совершенства мира. Огонь в большой масляной лампе маяка был потушен, еще одно дежурство закончилось. Спустившись вниз, он закрыл тяжелую дубовую дверь маяка на ключ. Днем, как обычно, ему нужно вернуться, чтобы натереть отражатели, заменить фитили и наполнить емкость для сурепного масла, а сейчас он заварит ароматного чая, разольет его по четырем кружечкам, добавит в каждую молока и пойдет будить своих любимых.

Первой он всегда будил маму – миссис Энн, потом жену Мэри и, в последнюю очередь, дочерей Софию и Вивьен. Прошел месяц с возвращения сестер, а он до сих пор, открывая дверь их спальни, боялся увидеть пустые кровати. Однако, все милые его сердцу дамы досматривали свои счастливые сны. Через полчаса, позавтракав, он ложился вздремнуть после ночного дежурства.

Вот в это время и появился на горизонте зеленого холма, всадник. Это был пожилой, но еще очень крепкий мужчина, в твидовой кепке на тронутой сединой голове. Он скакал от Эмеральда во весь опор, а сейчас храброе сердце дрогнуло, и он придержал лошадь, вглядываясь в даль, туда, где стоял коттедж с маяком. Дымок из трубы дома подсказал ему, что обитатели уже поднялись. По телу разлилось радостное ликование, чуть подернутое паутиной беспокойства. Слезы на секунду помутили зрение, но он быстро промокнул их рукавом. Подъехав к сараю рядом с домом, мужчина спешил и привязал коня к изгороди. Подойдя к двери, он замер с поднятой рукой, не решаясь постучать – вдруг дверь откроет совершенно незнакомый человек. В следующую секунду он решительно сдёрнул с головы кепку, тряхнул густой седой шевелюрой и три раза постучал в дверь.

Миссис Энн собирала грязную посуду со стола, девочки в четыре руки мыли и вытирали ее, а Мэри только приготовилась выйти, чтобы покормить Пудинга, Роуз и Пиппи. Просперо, как обычно, уже был накормлен своей любимой кашей и сидел на крыше сарая, с любопытством наблюдая за всем происходящим.

Стук в дверь всех озадачил. Мэри распахнула дверь со словами: «Кто бы это к нам пожаловал с утра?» В следующую секунду дар речи у нее пропал, она не верила своим глазам. Мысли проносились в голове бушующим ураганом. Она протянула руку и дотронулась до мужчины, чтобы удостовериться, что это не ее воображение, а он, перехватив руку, прижал ее к своей бородатой щеке и все-таки заплакал.

Шагнув в дом, он обнял Мэри, а она, обернувшись, только и смогла прошептать:
– Энни, он жив!

Девочки, ничего не понимая, замерли, а миссис Энн выронила из рук заварочный чайник, который, звонко гремя крышечкой, приземлился на кухонный стол. Колени ее предательски подкосились и она, не веря своим глазам, опустилась на стул и прошептала: «Эдвард...»

Питер проснулся от звона и громкого женского щебетания внизу. Спустив ноги с кровати прямо в домашние туфли, он поднялся, неодобрительно покачивая головой и, накинув халат, спустился вниз, собираясь пожуричь домашних за шум. Он сошел с последней ступени лестницы и замер. Поверх голов Мэри и Энн, которых он сгреб в охапку и боялся отпустить, на него смотрел отец. Он немного состарился, но взгляд его ясных голубых глаз не изменился.

– Но как?! – только и смог вымолвить Питер.

Женщины расступились. Подойдя к отцу, Питер взял его за руку и дернув, крепко прижал к себе.

– Это долгая история, – теперь у нас будет очень много времени, чтобы я мог вам ее поведать.

Развернувшись на каблуках, мистер Эдвард взглянул на притихших девочек. Они уже догадались, что домой вернулся их дед, которого все считали погибшим больше десяти лет.

– Таааак, таааак! А это кто у нас здесь?

– Вивьен.

– София, сэр, – присели в реверансе девочки.

– Я только теперь понял, что имел в виду хитрец-ювелир Вивек, торговец на рынке Ниваса. И мистер Эдвард, достав из внутреннего кармана две серебряных погремушки, протянул одну из них Вивьен, а вторую Софии.

– Я должен был подарить их вам сразу после рождения. Так уж вышло, что мы познакомились с вами только сейчас, теперь у нас много времени впереди.

Девочки одновременно взмахнули маленьким ювелирным чудом, и София прикрыла в блаженстве глаза. Звук был изумительным. Ювелир, сделавший эти погремушки, был не только искусным ювелирных дел мастером, но и обладал совершенным слухом. Погремушка Вивьен звенела чистой нотой «ми», а колокольчик в погремушке Софии издавал ноту «фа».

Деда усадили за стол, накормили завтраком и теперь притихли в ожидании рассказа о чудесном возвращении. А дело было так...

Глава 2

Капитан

Мистер Эдвард, капитан торгового судна «Азур», ехал на своем гнедом по дороге между Лайлак Хилл и Эмеральдом. Слева от дороги было изумрудное море, а справа – зеленый холм, залитый утренним солнечным светом. Он находился в приподнятом настроении и напевал себе под нос старую песенку. Сегодня ему предстояло наполнить трюмы своего корабля грузом и продовольствием, а завтра на рассвете они должны отплыть от родного берега Эмеральда в далекую, жаркую и прекрасную страну Махабхарат.

Капитан был уже немолодым человеком, и в плаваниях прошло много лет его удивительной и наполненной приключениями жизни. На берегу его ждала верная жена Энни. Его любимая хохотушка Энни. Это согревало сердце в самых дальних походах. Для него она так и осталась той кудрявой, голубоглазой, веселой девчонкой с соседней улицы, с которой они могли часами гулять босиком по берегу моря, рассказывая друг другу о своих самых безумных мечтах. Они рисовали на мокром песке все, что навывдумывали, а море, лизнув песок и внимательно рассмотрев нарисованное, растворяло мечты в соленой воде, чтобы потом вернуть явью.

Мистер Эдвард задумался на секунду: «А ведь все сбылось. Все, о чем мы мечтали тогда, стало нашей жизнью. Я капитан уже много лет, мы построили уютный дом, у нас прекрасный сын, и скоро родится внук или внучка. Питер выбрал себе в жены чудесную девушку Мэри, и она через несколько месяцев подарит нам счастье – стать дедушкой и бабушкой маленького карапуза. Жизнь – удивительная штука!» – улыбнулся мистер Эдвард. Он подъезжал к Эмеральду, и мысли его перекинулись на корабль.

Ему в пятый раз предстояло плыть в Махабхарат. Страна была древней и удивительной: теплый океан с бесконечными пляжами, величественные горы с хвойными лесами, зеленые луга и джунгли, пустыни и полноводные реки, несметные богатства султанов и раджей и абсолютная нищета обычных людей. Махабхарат – страна бесконечных открытий, ее нельзя познать до конца, даже прожив целую человеческую жизнь. Самое большое богатство этой страны – люди, с их мудростью, накопленной веками. Мистер Эдвард только там понял: «Жизнь дана человеку для того, чтобы научиться излучать радость, с удовольствием проживая каждую секунду своей неповторимой судьбы, и найти свое предназначение. Счастье не измеряется богатством, и самый нищий человек мог быть в тысячу раз счастливее самого богатого раджи».

Он вспомнил первую поездку туда. Это было чувство, что все, что ты знал о жизни, перевернулось с ног на голову. Ощущение, что ты родился заново. Эта страна не могла не удивлять, и в каждый следующий свой визит он снова растворялся в ней, в его голове появлялись новые прекрасные открытия, доселе неизведанные чувства или изведенные, но не понятые раньше. Там он научился ценить то, что у него есть, проживая каждую минуту как последнюю, с упоением, без спешки, и благодарить судьбу, которая, подобно ткачихе, складывая каждую прожитую минутку как разноцветную ниточку, ткала полотно жизни. Только на первый взгляд кажется, что ниточка темная или светлая, по прошествии времени, бывает, обернешься назад, а там прекрасный узор и нет уже черного и белого, плохого или хорошего, все именно так, как должно быть, иначе узор бы не вышел.

Город жил своей привычной будничной жизнью. Заметив старика Джеймса, который ковылял в попутном направлении, капитан спешил и взял коня под уздцы. До порта оставалось совсем чуть чуть. С Джеймсом они долго плавали вместе, тот был плотником.

– Доброе утро, Джей!

– Доброе, кэп! – расплылся в морщинистой улыбке старик и приподнял в приветствии кепку.

– Куда направляешься, дружище?

– Иду в порт. Сегодня утром должен вернуться корабль из Санто Фламинго, на нем плавает Реймус. Помнишь его?

– Реймуса, конечно, помню, неужели он еще выходит в море? Сколько ему?

– Ээээ, – задумался Джеймс, почесывая бороду. – А сколько мне? – вот, почитай, ему на десяток меньше.

– Молодчина Реймус.

– Точно, крепкий малый. Должен привезти мне табака. Я то разбаловался хорошим куревом, пока в море ходил, очень мне лавка нравилась в Голубой лагуне, там климат для табака особенный. А теперь, видишь, другой мне не по нраву. Пока Реймус еще в море выходит, покурю, а потом уж бросать буду эту заразу, – рассмеялся Джеймс и закашлялся. Ну, а ты куда направляешься?

– Тоже в порт. Сегодня загружаемся.

– Куда в этот раз?

– Махабхарат.

– Эээх, мне бы с вами махнуть, да силы уже не те. Скучаю... Ночью снится, будто море покачивает на корабле, как младенца в люльке, счастье такое охватывает, спокойствие, а глаза откроешь и не сразу поймешь, что в своей кровати. А когда понимаешь, такая тоска берет. В море свобода, дышишь полной грудью, душа поет. Даже курить бы бросил, лишь бы десяток лет долой, да еще раз в плавание.

– Так я могу тебя взять, будешь старшим плотником. Твой опыт лишним не будет.

– Неет, кэп, спасибо за твое доверие. Силы уже не те. Подведу. Еще помру, не дай бог. Тогда Люсинда меня даже с того света достанет, что я, старая дубина, могилы не оставил.

Капитан похлопал Джеймса по плечу, пытаясь приободрить. Он на секунду представил себя в его возрасте, такие же чувства будут возникать и у него, когда старость подступит вплотную. Счастье сегодняшнего дня вдруг затопило его с удвоенной силой, у него еще много плаваний впереди, и море открыто для него и ждет.

Тем временем они подошли к таверне «Хитрый омар». Джеймс завернул туда, увидев Реймуса в открытую дверь.

Мистер Эдвард приветственно махнул рукой и привязал коня к коновязи. Гнедой привычно опустил голову в поилку, а потом принялся вяло пожевывать сено. Он всегда оставлял его здесь. Хозяином таверны был его давний знакомый Томас, по прозвищу Омар, который был на корабле коком в то время, когда кэп еще не дослужился до своего звания. У них остались теплые дружеские отношения с давних пор. Свою кличку Томас получил не случайно. Он умел искусно ловить самых больших омаров голыми руками. Правда, пару раз они его все-таки доставали своими огромными клешнями, и пальцев на его руках могло поубавиться, но он всегда выходил победителем. Так же искусно как ловил, Том умел их готовить. Мясо получалось сочным, нежным и очень ароматным. После выхода на пенсию, Томас открыл таверну, прямо в порту, чтобы быть поближе к морской жизни и новостям. А в искусстве приготовления омаров, кальмаров, крабов и прочей морской живности ему теперь вообще не было равных.

Капитан двинулся по причалу к своему любимцу «Азуру». Гордость за свой корабль наполняла его сердце. Он выделялся на фоне небольших рыболовецких шхун, как великан среди обычных людей. Это был трехмачтовый флейт. Его галеонной фигурой был Гиппокампус – морской конь, служащий богу Солнца. По преданиям, Гиппокампус перевозил Солнце ночью с западного края на восточный по океанскому дну. Как только светило начинало подниматься на востоке, проснувшиеся люди возвращались из царства Морфея и вспоминали все, что про-

изошло с ними до того, как они уснули вечером. Конь был синего цвета, лапы с перепонками, вместо гривы на голове большой гребень, плавник на спине и большой рыбий хвост – царь рыб.

Мистер Эдвард считал «Азур» старым другом, они проплыли вместе не одну тысячу морских миль. Членов команды он подбирали лично, все профессионалы. Строгие правила на его корабле – залог легких плаваний, считал капитан.

Мистер Эдвард начинал свою карьеру на военном флоте и многое, включая дисциплину и порядок, он перенес на «Азур», цена ошибки здесь – жизнь, в этом капитан был неумолим. Команда собрана что надо, старшие члены ходили с ним в плавания уже больше десяти лет, и он знал их семьи.

Мистер Эдвард поднялся на палубу. Скоро должен прибыть груз, продовольствие и вода.

Целый день вместе с первым помощником, боцманом и шкипером они загружали трюмы и, в последний раз, проверяли готовность оборудования. Чуть опоздав с ланчем, он отказался от сэндвича с сочной ветчиной и, на скорую руку выпив чая в «Хитром омаре», отправился домой.

Энн встретила его на пороге. Она шутливо поторапливала, ужин уже был готов. Сегодня нужно лечь пораньше, на рассвете они должны отплыть. Перед началом плавания капитана охватывало приятное нетерпение, и настроение было прекрасным. Мистер Эдвард умылся, сменил рубашку, пока Энн накрывала на стол. На ужин был ягненок с овощами и яблочный пирог.

За пирогом время остановилось, и лечь пораньше не получилось. Супруги проговорили до темна. Энн переживала, как обычно, но сейчас к ее беспокойству примешивалось еще какое-то неприятное предчувствие. Она понимала, что муж, пока жив, не откажется от моря, это его стихия. В который раз она заглушила беспокойство мыслями о том, что «Азур» – надежный большой корабль, команда тщательно подобрана, а ее муж – опытный моряк. Да к тому же, на этот раз с ними в плавание отправлялся корабль-охранник.

– Главное, чтобы Эдвард успел вернуться к рождению малыша, – подумала миссис Энн и выкинула дурные мысли из головы.

Проснувшись затемно, она сделала мужу чай с молоком и проводила до ворот, сердце сжала тоска, когда объятия разомкнулись, и муж вскочил на коня. Она знала, что Эдвард никогда не оглядывается назад и, проводив взглядом его удаляющуюся фигуру, отогнала подальше тоску и отправилась кормить козочку Роуз.

На рассвете «Азур» выходил из бухты. Капитану нравилось встречать новый день в море. Розовый диск солнца поднимался над изумрудными просторами и окрашивал море и облака в сочный цвет. С этим зрелищем вряд ли что-то можно сравнить. Свежий бриз дул в лицо, и мистера Эдварда охватило чувство, что он, его корабль, это море и солнце – единое целое, маленькие части чего-то огромного и прекрасного. Счастьем и спокойствием наполнялось его сердце, и он, поглубже вдохнув свежий морской воздух, крикнул, отправляясь в кают-компанию:

– А что у нас сегодня на завтрак, друзья?

– Жареный бекон, яйцо и последний раз свежий хлеб, кэп, – крикнул с нижней палубы кок.

– Накрывай, Ларри! Я зверски голоден.

Глава 3

Последний маяк

Перед Азуром расстилалась туманная даль пролива Ла-Брум. Путешественникам предстояло пересечь его и направиться к мысу Святого Якова. Проплывая эти воды, капитан вспоминал легенды, которые слышал еще мальчишкой. Невероятно живописный берег поражал воображение. Красные скалы и рифы, неприветливо направленные прямо в море, ярко контрастировали с белой пеной бушующих между ними волн. Казалось, воду лили на раскаленные докрасна угли, и она тут же закипала на них. В легендах его называли берегом смерти. Мыс считали краем света и до тех пор, пока смельчаки не открыли соседние материки, думали, что за ним расстилалось царство мертвых. Но в каждой сказке есть доля истины. Много кораблей нашли последнее пристанище в этих водах. На берег часто опускался туман, а местные жители, выпуская волов на пастбище, привязывали к их рогам светильники, чтобы проще было отыскать животных в туманных сумерках. Волы пощипывали травку, мерно покачивая широкими боками, поднимали и опускали головы с привязанными к рогам светильниками, а моряки, приближающиеся к берегу, путали огоньки на рогах с огнями покачивающихся пришвартованных кораблей и направляли свои суда прямо на рифы. Капитан не приближался к берегу, море было спокойным, а весенний ветер попутным. Тут стоял последний маяк этого континента, за ним – только океан.

Вечер догорал последними искрами заката. Вскоре мягкий, загадочный свет луны наполнил простор магией ночи. Капитан еще долго простоял на палубе, наблюдая за удаляющимся в темноте светом маяка.

Оставив позади мыс Святого Якова, корабль взял курс к самому жаркому континенту. «Азуру» предстояло провести несколько недель в плавании. Обогнув Большую землю, он должен дважды пересечь экватор, прежде чем цель будет достигнута. Вскоре судно оказалось около островов Счастья. Погода изменилась, они приближались к тропикам. Климат здесь был одинаковым во все времена года. Может быть поэтому они назывались Счастливыми. Представьте себе, что вокруг вас всегда теплая весна, кто же не будет доволен. Но своя «ложка дегтя» есть везде, и вы это знаете не хуже меня. Счастливые острова выдумщик бог создал с помощью вулканов, но после того, как были готовы самые красивые в мире кусочки суши, бог до конца не спел вулканам колыбельную песенку, они не очень крепко уснули и иногда очень пугали счастливых островитян. Иногда вулканы просыпаются, начинают зевать и откашливаться спросонья, выплевывая на поверхность огненную лаву. Среди вулканов есть самый удивительный, он находится под водой. Его пробуждение похоже на волшебство. Океанское дно оживает, и из жерла, как изо рта, появляются красные, раскаленные языки лавы. Вода закипает рядом с ними, но воды в океане предостаточно, и лава, остыв и смирившись, твердеет. Застывшая лава превращается в камень и по всем законам должна бы утонуть и остаться на дне рядом с жерлом, потихоньку образуя еще один остров, но некоторые кусочки, отколовшись от больших языков, отправляются в самостоятельное плавание, как сбжавшие мальчишки не желают оставаться в родном доме, они жаждут приключений. Это происходит от того, что во время извержения в лаву попадают пузырьки воздуха, они не дают утонуть этим непоседам. Какое-то время отважные юнцы путешествуют в океане как одинокие странники, пока вода не найдет уставшим, бравым мореплавателям местечко на суше, и волна не закинет их, уже потрепанных, пообтесанных и смирившихся, подальше на берег, где они будут рассказывать историю своих скитаний обывателям, пока не превратятся в песок.

Вблизи Счастливых островов «Азуру» предстояло встретиться с кораблем, который будет охранять его от пиратов.

Утром следующего дня впередсмотрящий сообщил, что на горизонте паруса. Капитан Эдвард направил свою подзорную трубу в сторону встречного корабля. Он пристально вглядывался вдаль, пока не понял, что на горизонте появился «Сальваторе». Это был сорокапушечный фрегат-охранник, который должен пройти с ними путь в Махабхарат и обратно. «Сальваторе» стоял на рейде около одного из островов Горгоны, поджидая «Азуру», а вчера вечером вышел навстречу.

Охранник, заметив торговца, начал большой разворот, и через несколько часов оба судна шли одним курсом. Команды обменялись приветствиями с помощью флажков и, оседлав попутное течение, начали отклоняться дугой от суши, широко огибая жаркий берег. Казалось, что путь их должен увеличиться по времени, но нет, эта морская дорога была изучена капитанами на отлично. Течение уносило их от суши на много миль в сторону, но из-за скорости мощных потоков океанской воды время в пути сокращалось. И все-таки мистер Эдвард, как мальчишка, мечтал когда-нибудь отправиться, как первооткрыватель, в неизвестность, не зная, что за страна или народ встретятся ему на пути. Тогда, может быть, в его честь назовут остров или пролив, или хотя бы маленький залив. Он надеялся, что еще не все открытия сделаны на свете, ведь океан такой огромный.

Глава 4

Большая охота Барнса

Прошло несколько недель в плавании. Спокойный океан Весны остался позади, и они плыли в буйных, непредсказуемых водах океана Сирен. Бури и шторма были здесь не редкостью. «Азуру» и «Сальваторе» оставалось около двух недель провести в пути. Утро было погожим, ветер попутным, и ничто не предвещало бури. Капитан Эдвард рассматривал в подзорную трубу Сахарные острова, мимо которых они проплывали. Чудесный вид открывался его взору. Белый, с розовым отливом песок и большие черные валуны ярко контрастировали. Даже невооруженным глазом были заметны огромные кокосовые пальмы, растущие на берегу.

– Слишком тихо и слишком красиво, кэп, – сказал поднявшийся на мостик боцман.

– Да, говорят, что именно здесь и есть рай на земле, – ответил мистер Эдвард

– Вот бы устроить небольшую рыбалку, бонито здесь отменный, точно, как в раю. А может нам повезет, и мы поймем огромного крылатого синего дьявола, и тогда нам всем будет уготовано местечко в Эдемском саду. Ведь каждый моряк, который попробует хоть кусочек, отправляется после смерти прямиком на небеса, – сказал рулевой Барнс.

– Ааай, Барнс, – отмахнулся от него боцман, – ты, каждый раз проплывая здесь, жужишь мне про эту чертову рыбу, что же ты, дружище, натворил, что так боишься помереть, не попробовав ее. Лучше бы ты сходил на службу к отцу Филиппу. Он-то тебе, при должном раскаянии на исповеди, точно все грехи отпустит, – рассмеялся боцман. – Мы не собирались делать остановку.

Как говорится, будьте осторожны со своими желаниями, они имеют свойство очень быстро воплощаться в реальность.

В их планы вмешалась стихия. Ближе к обеду небо затянуло тучами, и начался ливень, море вздувалось огромными волнами. «Сальваторе» было легче с ними справляться, а нагруженный «Азур» тяжело ухал вниз. Гиппокампус полностью погружался в темно голубую воду, покрытую прожилками белой пены, в свою стихию, и выныривая из волны, поднимал высокие брызги. В этот момент, казалось, что на вершину ему еще раз никогда не забраться, вал поднимался выше мачт. Тяжелое судно снова и снова поднималось на гребень и, немного замедлив на голубом пике, проваливалось с невероятной скоростью в бездну. Опытному моряку все было нипочем. Казалось, что на тебя и на корабль уже не действуют силы земного притяжения, и ты летишь на только что появившихся за спиной крыльях вперед, а под ложечкой приятно щекочет, когда палуба уходит из-под ног. Сознание в эту секунду проясняется, и все в мире становится не важно, кроме тебя и такой могучей стихии.

Шторм закончился ближе к вечеру. «Сальваторе» был целёхонек, а у «Азура» из потерь был бушприт, порванные ванты и перевернутый вверх дном камбуз. Нужна была остановка, и корабли, обменявшись сообщениями, решили пристать к одному из Сахарных островов. Глубокой ночью они кинули якоря.

Рано поутру боцман, дав задание канатному мастеру и плотникам на починку, взял с собой четырех человек из экипажа и отправился к острову. Им предстояла большая охота, и, спустив на воду шлюпки, моряки оправились на мелководье за небольшой рыбой для приманки. Команда на корабле занималась ремонтом, а кок, чертыхаясь на чем свет стоит, приводел в порядок камбуз, одновременно пытаясь приготовить на всех завтрак поплотнее, так как вчера вся команда осталась голодной из-за бури.

Боцман причалил на шлюпке к выступающим из моря кораллам рядом с островом. Вода была прозрачная, как будто шторма и не было вовсе. Дно обнажилось из-за отлива. Моряки, по

колено в воде, разошлись по берегу и замерли с удилищами в ожидании мелкого улова. Мурены сновали по выступающим из воды кораллам, словно змеи. Двое моряков вскоре отправились на берег набрать фруктов и кокосов, а остальные без усталости выдергивали из воды все новых и новых рыбех. Через час начался прилив и все вернулись в лодку с приличным уловом.

Боцман одобрительно покачивал головой, глядя на ведра и раскуривая трубку.

– Дааа, дома мне и такой улов показался бы очень удачным, – сказал он, указывая бородой на альбул и небольших барракуд.

Мелкую рыбу насадили как приманку на железные большие крючки, и «Азур» с «Сальваторе» двинулись обратно в океан, чтобы взять намеченный курс, а заодно и за большим уловом.

После того как вышли за свал, снасти с крюками закинули позади корабля, и вся команда замерла, готовясь тянуть крюки обратно. Корабль шел медленно, и бечевы повисли под тяжестью крюков и приманки.

– Только бы не упустить, только бы не упустить, – шептал Барнс, – теперь-то уж точно от меня не уйдешь, нутром чую – сегодня великий день.

Прошло немного времени, и наживка стала привлекать большую добычу. Моряки, радуясь, как дети, не без труда выдергивали огромных рыбин на палубу. Но Барнсу никак не везло, он уже начал сомневаться, а друзья еще и подначивали его.

Вдруг рядом с наживкой и еще не выуженной рыбой появился блестящий черный бок, потом еще один и еще.

И моряки заголосили:

– Ну все, пиши пропало, дельфины приплыли. Теперь эти хитрюги обглодают все, что еще не выловлено.

– И как это у них получается – до кости обглодать пойманную рыбу и самим на крючок не попасться? – спросил Эрни.

– Говорят, что умом они некоторых людей переплюнут, – ответил Мартин.

– Дык, если сейчас посмотреть на нашу команду, то большинство точно переплюнут, – сказал Эрни и заржал, указывая на обезумевшую от счастья большого улова босоногую команду.

Моряки пританцовывали, подкидывали пойманную рыбу, все мокрые и чумазые.

Тут вдруг оживился Барнс. Он двумя руками схватился за снасти и заголосил:

– Ключнула, ключнула, только не сорвись! И, пока дельфины обглаживали последних бонито, Барнсу с трудом удалось подтянуть свои снасти. Он все вглядывался и вглядывался в голубую морскую воду, но свет преломлялся на волнах, и невозможно было рассмотреть улов. Море не хотело просто так открывать свои тайны. Еще пару метров веревки, и руки уже были растерты в кровь. Барнс чувствовал, что улов велик, рыба сопротивлялась, да еще черные воришки были совсем близко. И вдруг на поверхности появился длинный, как багор, нос морского дьявола цвета индиго. Моряки, увидев какого красавца заарканил Барнс, кинулись ему помогать. И команда сообща вытянула, наконец, из воды огромную крылатую рыбину, удивительного цвета.

Дельфины поздно спохватились, поняв, что самую большую добычу они упустили. Собрав последние сладкие кусочки, стая отправилась по своим морским делам, удаляясь от корабля. По очереди выпрыгивая из воды, прощаясь они показывали свои красивые тела, выгнутые дугой для прыжка.

Восемь рук крепко держали дьявола за мокрые, скользкие бока, пока он не оказался на палубе. Барнс плюхнулся рядом, весь мокрый от пота и морской воды. Натертые руки саднило от соленой воды, но это его не занимало. Он перевернулся и смачно поцеловал затихшую рыбину, потом подскочил и пустился в пляс.

Коку предстояла сегодня большая работа, ох и денек у него выдался. Рыбу нужно было вымыть и разделать, улов вышел не маленький. Только к вечеру он раскочегарил углем свою

большую печь. Мясо было срезано с рыбьих позвоночников, и по кораблю начал разливаться божественный аромат – сливочно-ореховый запах разогретого топленого масла и рыбы с поджаристой золотистой корочкой. Ларри жарил ее с высунутым от усердия языком на больших чугунных сковородах. Масло громко шкворчало, а большой живот Ларри начал потихоньку подвывать от голода. Барнс не успокаивался и ходил как кот вокруг камбуза, заглядывая в открытую дверь и раздавая советы. Он все переживал, как бы кок не перепутал куски синей рыбы с другими ломтями. Закончилось тем, что кок захлопнул перед носом Барнса дверь камбуза:

– Отправляйся-ка ты, умник, в кубрик и надень свою самую нарядную рубаху, пока не получил подзатыльник, – и Ларри показал рулевому через круглый иллюминатор двери испанский кулак, как неоспоримое доказательство своих намерений.

Капитан Эдвард собрал команду за большим столом и попросил торжественно вручить Барнсу самый большой кусок синего парусника. Тот послушался кока и выглядел торжественно, как на воскресной службе. Натянул белую рубаху и даже причесал свою кудлатую голову на прямой пробор.

– Мечты-то исполняются, – расплылся в щербатой улыбке Барнс и положил первый кусочек сочной рыбы в рот, прикрыв от блаженства глаза.

Глава 5

Танцующий конь

«Азур» достиг берега Махабхарат через две недели и зашел в порт Ниваса точно по расписанию. Первое, что оглушает путешественника здесь, это запах. Специи, которые на вес золота ценились в других странах, здесь никто не жалел. Ими щедро приправляли все блюда, и этот аромат витал в воздухе днем и ночью. Суэта муравейника портового города Нивас моментально поглотила капитана, сошедшего с корабля. Товары были разгружены, и, оставив своего помощника за главного, он направился в еще более оживленную часть города. Казалось бы, куда же еще суетливей, но рынок Ниваса был более бодрым, чем остальная часть города, включая порт. Глаза разбегались от ярких красок одежды посетителей и товаров, разложенных на прилавках. Обоняние пыталось различить десятки поразительных запахов, а слух улавливал разнообразие звуков. Накупив подарков, капитан зашел в ювелирную лавку, чтобы выбрать украшения для Мэри и Энн. Здесь, в отличие от остального рынка, было тихо. Хозяином лавки был маленький седой старичок Вивек. Выбрав украшения для женщин, капитан уже хотел было расплатиться, как взгляд его упал на две очаровательные серебряные погремушки. Одна была отделана сапфирами, а вторая рубинами. Он протянул руку и покрутил по очереди одну и другую. Звук был разным. Выбрав погремушку с рубинами, он уже собирался положить вторую, но Вивек его остановил.

– Нэ спэши, тебе понадобятся обе! – сказал продавец, улыбнувшись и прищурился глазами.

Капитан вопросительно уставился на него, не понимая, чтобы это значило. Он привык, что в этой стране люди, с которыми тебя сталкивает случай, знают о тебе больше, чем ты сам.

Вивек ответил на безмолвный вопрос:

– Просто повэрь!

Вивек не выглядел как человек, которому можно доверять, но мистер Эдвард привык полагаться на жизнь и точно знал, что случайные события только на первый взгляд кажутся случайными, а по прошествии времени оказываются логичными закономерностями.

Вивек положил обе погремушки в шелковый мешочек, и капитан убрал их во внутренний карман на груди. Проголодавшись, он заказал себе в уличном кафе хрустящие шарики из риса и чай. Такого чая больше не подавали нигде в мире, его вкус не забудешь даже через тысячу жизней, он был приправлен особыми специями, тростниковым сахаром и молоком, растекаясь внутри, он как будто оживлял тебя.

За разговорами с местными жителями прошел вечер, мистер Эдвард узнал, что в соседнем городе открыли новёхонький ипподром, завтра на нем будут проводить скачки и отбирать лучших лошадей. Он не мог пропустить такого события, ведь лошади этой страны славились по всему миру. Кроме скакунов, его привлекала на ипподром еще одна диковина, которую он давно хотел увидеть. В этой стране разводили особенных скакунов. Этих животных можно увидеть только здесь. Под страхом смертной казни их запрещено вывозить из страны и разводить еще где-либо. Это были боевые кони–марвари, они отличались удивительно спокойным нравом, большой выносливостью, а красотой и грацией превосходили всех лошадей мира – ноги длинные, мускулистые, поджарый и высушенный жарким климатом круп и гордая посадка головы на длинной шее. Марвари обладали чудесным слухом, потому что их голову венчали необычные ушки. Они были длинными, а загнутые края соприкасались, образуя подобие короны на голове. Может быть из-за строения ушек, а может по другой причине, но лошади этой породы удивительным образом воспринимали музыку, а особенно барабанный ритм – они

умели танцевать. День выдался очень удачным, посчитал мистер Эдвард, отправляясь вечером в свою каюту.

На следующее утро капитан одолжил за пять монет невысокого коня по кличке Викрам и отправился на скачки. День обещал быть жарким, солнце, еще не поднявшись полностью над горизонтом, припекало. Викрам быстро доставил своего седока на ипподром.

Капитан поставил вслепую на двух лошадей только потому, что ему понравились их клички. Одна была кобыла рыжей масти – Медная стрела, а второй гнедой конь по кличке Воин. Таких соревнований он никогда не видел – лошади чистейших арабских кровей, седоки миниатюрные, смуглые, казалось, что лошадь совсем не ощущает их вес. В первом и втором заезде номера, на которые он поставил, не участвовали, но зрелище было настолько увлекательным и динамичным, что к третьему заезду капитан уже не помнил кличек выбранных лошадей и с упоением наблюдал соревнования. Первые шесть скакунов, которые победят в скачках, будут выставлены на аукцион и за них заплатят баснословные деньги. Капитан вспомнил про ставку только к концу четвертого заезда. Воин занял первое место, а Медная стрела была третьей.

– Вот так-так! Моё чутьё меня не подвело! – подняв вверх палец, провозгласил капитан.

Улыбаясь, он наблюдал, как победителей уводят в конюшни, которые тут были устроены с царским величием – животных держали в просторных стойлах, делали массаж и даже купали в большом бассейне.

Люди потихоньку начали покидать трибуны, но не расходились. На арене появились музыканты с барабанами, а зрители разбились на несколько групп, каждая из них образовала подобие сцены. Первые барабаны зазвучали, сердца зрителей бились в одном ритме с музыкой, ладони сами собой начинали задавать темп, отдавая пульсом тот же ритм, а ноги притопывали. Вывели первого красавца-марвари. Он приближался к импровизированной сцене, шерсть его лоснилась и была видна каждая мышца, которую он напрягает. Конь был черного цвета, ни одного пятнышка. Его цвет контрастировал с яркими, длинными одеждами зрителей и желтым песком арены. Это было величественное зрелище, животное снисходительно позволило подвести себя к зрителям. Хозяин лошади, как конферансье, представлял короля сцены. А тот величественно приближался к своим поклонникам. Хвост был поднят вверх и ниспадал широким шлейфом сзади, вздрагивая от каждого движения. Уши лошади, услышав музыку, развернулись загнутыми кончиками внутрь. Конь уже чувствовал ритм и не шел, а парил, подскакивая и отталкиваясь от земли одновременно двумя ногами, грациозно выгибая копыто, летящее в воздухе. Барабан замолчал, а животное встав в центре круга замерло в ожидании.

И вот ритм взяли отбивать снова, и передние ноги лошади начали двигаться попеременно, конь, высоко поднимая колени, бил копытами в такт с инструментом, поднимая брызги желтого песка. Лошадь продолжила свое движение по кругу, отталкиваясь задними ногами, делала скачок, передними же копытами отбивала ритм. Все быстрее и быстрее. Потом подскакивая на передней и задней ноге, грациозно сгибая в колене две другие. Всех захватил этот завораживающий танец, зрители били в ладоши и издавали гортанные звуки в такт музыке. Танец действовал как гипноз. Лошадь поднялась на задние ноги и прошла в такт три круга. Потом остановилась, направив голову к зрителям, и упала на передние колени. Это был виртуозный заключительный поклон. Конь припал головой так низко, что его разгоряченное дыхание рассеивало песок, оставляя две ямки напротив ноздрей. Барабаны замолчали, а ошалелые зрители замерли на долю секунды, а потом, очнувшись от прекрасного зрелища, принялись хлопать, отбивая от усердия ладоши. Загнутые черные уши оказались в нескольких сантиметрах от колен капитана Эдварда. Он перестал хлопать, руки его замерли, глаза были широко раскрыты, и он перестал дышать, оторопело уставившись на склоненное в поклоне животное.

Народ расступался по обе стороны от него, разведенные ладони гудели, и он судорожно вдохнул горячий воздух. Лошадь поднялась с колен, и все стихло. Они стояли друг против

друга, оба разгоряченные, прекрасное сильное животное и человек – повелитель стихий. В черном бездонном омуте глаз марвари отражалось удивленное лицо капитана. Чуть позже ему рассказали, что боевые кони кланяются только великим воинам, предводителям и королям. Поклон марвари благословляет на победу. Мистер Эдвард удивился, объяснил, что он совсем не воин. Но люди, окружившие его, понимающе кивали и похлопывали его по плечу. Он снова, как и в лавке старика Вивека, почувствовал, что все вокруг знают что-то важное, то, что ему еще не открылось.

Через десять минут капитан уже не вспоминал о воинах и королях, потому что пришел его черед получать выигрыш. Он, как мальчишка, обрадовался и потрясал кожаным кошельком, в который сложил выигранные монеты, это была очень солидная прибавка к его жалованью. Возвратился в Нивас он уже затемно. Оставив в конюшне своего друга Викрама, капитан вернулся на Азур. Зрелище танцующего коня все не отпускало его воображение, и он представлял, как же чудесно, наверное, иметь такое великолепное животное и царственно восседать на нем, сливаясь в движении, или лететь быстрее молнии по бескрайним просторам.

Ларри вывел его из задумчивости.

– Кэп, вы будете ужинать? А то, боюсь, наши троглодиты вам ничего не оставят.

– Нет, Ларри, спасибо. Я выпью бокальчик вина у себя в каюте.

Сейчас ему хотелось побыть в одиночестве, казалось, что сказка рассеется, как только он расскажет о ней кому-нибудь. А он еще немного хотел побыть в своих мечтах и запечатлеть на сердце это завораживающее воспоминание.

Глава 6

Джитинджи

Через несколько дней, загрузив на корабль рис и чай, как думал капитан, «Азур» и «Сальваторе» выходили из шумной гавани Ниваса. Мистер Эдвард был доволен, по его расчетам, они должны вернуться немного раньше рождения малыша. Подарки куплены, погода отличная и настроение под стать погоде. Ничего не предвещало беды, пока на горизонте не показались черные паруса флотилии Джитинджи – беспощадного пирата южных морей. Бандиты появились под покровом ночи, когда корабли вышли в пролив. «Сальваторе» их заметил первым, но пираты уже подошли на расстояние выстрела и были во всеоружии. Пока «Сальваторе» пытался развернуться и зарядить орудия, грянули первые пушки. Команды «Азура» и «Сальваторе» были оглушены и обескуражены. И, несмотря на то, что оба корабля готовились к отражению атак, так как в этих водах они были не редкостью, они не успели ответить ни одним залпом, настолько коварен и проворен был Джитинджи. Расстреляв торговца и его охранника, корабли разбойника пошли на абордаж. Они резали и рубили без жалости, но в какой-то момент поступила команда не убивать, брать пленных. Мертвых и раненых выкинули за борт. Целью Джитинджи были драгоценные камни, обманом загруженные в трюм «Азура», и пока он был занят добычей, несколькими уцелевшим членам команды «Сальваторе» под прикрытием сжалившейся темноты удалось спустить на воду шлюпку и отплыть подальше, подбрав из воды трех раненых матросов с «Азура».

Пират собирался поживиться не только камнями, ими нужно делиться с доносчиками, а он хотел получить максимум выгоды от такого удачного набега. Флейт он намеревался продать за хорошую цену, у него уже был покупатель. А фрегат был нужен ему самому, он присоединит его к своей варварской флотилии, наводящей ужас на все южное побережье, но это еще не все. Он остановил резню команды не из жалости, а потому что люди были тоже очень ценны – как товар на невольничьем рынке. Это был крепкий морской народ, и Джитинджи, захватив корабли, оставлял в живых команду для того, чтобы продать их как рабов. Пленных моряков переправили на пиратский корабль и закрыли в трюме.

Флибустьер вышагивал победителем по палубе «Азура», подсчитывая выгоду, как вдруг, навстречу бесстрашно вышел капитан. Пират молниеносно выхватил саблю, завязалась жесткая схватка. Мистер Эдвард неплохо владел оружием и понимая, что ему не спастись, отчаянно и ожесточенно нападал. Голова его была холодна, но гнев из сердца рвался наружу. Вся его жизнь рухнула, и он готов был умереть вместе со своей командой и кораблем. Он ранил бандита и рассек ему бровь и щеку. Но остановить Джитинджи было не так-то просто. Раны только разозлили его. Изворотливый разбойник воткнул свое жало в грудь капитана, вскинул саблю, и кровь капитана попала на палубу, а сам он осел на колени держась за грудь. Джитинджи подумал, что его сокрушительный удар пронзил сердце противника, он точно знал куда нужно целиться, но сабля попала прямоком в серебряные погремушки, которые до сих пор лежали во внутреннем кармане, забытые капитаном. Они и остановили смертельную сталь, протяжно звякнув, хотя рана все равно была глубока. В этот момент и произошло чудо.

Кровь капитана, которая попала на волшебные колокольчики погремушек и палубу корабля, пробудили неистовую силу в сердце «Азура». Его галеонная фигура – морской конь внушительных размеров, открыл глаза, и сердце его оглушительно забило, отражаясь ударами от палубы корабля. Пират и его команда не понимали, что происходит, а гиппокампус, оторвавшись от деревянного носа корабля, нырнул в морскую пучину для того, чтобы в следующую минуту вынырнуть с другого борта и подхватить с палубы еще живого капитана, под-

ставив ему спину. В тот же момент огромный смерч из морской воды поднялся выше мачт корабля. Он безжалостно смел чудовищной силой «Азур», «Сальваторе» и три из четырех кораблей пиратской флотилии.

Затем в миг стало тихо, оставшиеся пираты ошалело озирались, не до конца понимая, что же произошло. Их добыча, вместе с драгоценными камушками в трюме «Азура», охранником «Сальваторе» и большей частью их пиратской флотилии, исчезли в пучине буквально за несколько минут. На поверхности не осталось ни обломков, ни мертвых, ни раненых. Все затянуло с ужасающей силой прямо в бездну Луиданского пролива.

Бандиты в спешке развернули корабль и уплыли восвояси. Добычей стали только люди в трюме, денег от продажи которых им хватило на несколько дней беспробудной попойки, чтобы забыть ужасы этой ночи. Шлюпка со спасшимися моряками за несколько минут до этого отплыла от кораблей на безопасное расстояние. В темноте ночи они не видели, что произошло. В лодке всегда был припасен небольшой бочонок с водой и плотно закрытая жестянка с сухими галетами. Это помогло выжить морякам, пока их не подобрало судно, проходившее тем же курсом.

Глава 7

Сон или явь

Спасение капитана было случайным избавлением, он должен был погибнуть, но волшебная сила пробудила верного друга, и тот не смог его оставить на растерзание. Взамен чудесного спасения гиппокампусу, нарушившему все правила и отступив от своего предназначения, и спасенному воину было назначено нести службу. Они должны были три тысячи ночей подряд тянуть небесное светило по океанскому дну с одного края неба на другой, чтобы утром оно встало с положенной стороны и даровало благополучное возвращение из царства Морфея всем живущим на земле.

Была ли эта служба явью или сном, капитан не мог ответить с уверенностью. Мореплаватель очнулся на жесткой кровати. Сквозь веки просвечивал мягкий, оранжевый свет, легкое дуновение жаркого ветерка веяло, окутывая незнакомым запахом, и только птичий гомон нарушал тишину. Капитан понемногу, щурясь, открыл глаза. Он лежал на узкой деревянной кровати в небольшой комнате. Стены из теплого песчаника, большое распахнутое окно, деревянные внешние ставни немного скрывали пейзаж. В голове у него было совершенно пусто, а аскетичность комнаты не добавляла воспоминаний. Тело его не слушалось и было очень тяжелым, ему казалось, что его придавило к кровати. Он приподнялся и попытался сесть, но голова закружилась, и он снова прилег.

«Наверное, я долго болел», – подумал моряк. Но ощупав себя, он не обнаружил ни ран, ни боли, кроме того, его тело не было ослаблено болезнью, мышцы были крепкими и силы быстро возвращались к нему.

Вскоре память начала возвращать в его сознание отдельные воспоминания – детство, отец, мать, родной край. Были и другие воспоминания – упругая спина синего морского коня, которым он управлял силой мысли, рассекая голубую бездну, огромная, сплетенная из лунных лучей сеть, привязанная к крупу гиппокампуса. В этом воспоминании были восторг и легкость, он начал подозревать, что это не совсем сон, наверное, он долгое время провел под водой и сейчас сила притяжения действовала на него как магнит, притягивая к земле. Чем дольше он бодрствовал, тем больше приходили воспоминания о земной жизни и растворялись воспоминания о морской службе.

Проснулся он в монастыре. Обитель стояла на высоком берегу океана, а жили в ней монахи, которые дали обет молчания, как аскезу, до конца своих дней. Задавая множество вопросов, он не получил ответ ни на один из них. Монахи только смотрели на него с любовью и сочувствием.

Капитан постепенно приходил в себя, ему казался непривычным вкус еды и пресной воды. В один из дней старый монах принес ему пиалу с непрозрачной жидкостью. Мистер Эдвард с недоверием принял из его рук горячий напиток. Затворник показал жестом пить и удалился. Капитан сделал первый маленький глоток и почувствовал вкус чая, ароматного чая с особыми специями и тростниковым сахаром. Воспоминания хлынули бурным потоком. Он делал еще и еще глоток, не видя ничего вокруг себя. Слезы капали в пиалу, а он продолжал пить, жадно, как будто от этого зависит – вспомнит он все до конца или нет. Он поставил пиалу на столик рядом с кроватью и заметил на нижней полочке шелковый мешочек, истертый временем. Он медленно взял его в руки. Услышав знакомый звон и еще не раскрыв, понял, что это – те самые две погремушки из Ниваса, из удивительной лавки старого хитреца Вивека, которые спасли ему жизнь.

Через несколько дней после его пробуждения в монастырь из соседнего города пришел гонец – молодой паренек по имени Анкер. Это был единственный человек, с которым ему довелось разговаривать. Он сообщил, что в порту его ждет корабль с командой. Его корабль! Они ждут своего капитана и готовы отправиться в обратный путь, в графство Семи Холмов. О, сколько вопросов были готовы сорваться с губ капитана!

– Скажи, Анкер, в каком месте я нахожусь? – задал первый вопрос мистер Эдвард.

Анкер удивленно воззрился на мужчину:

– В Махабхарате, вблизи города Орисса, это монастырь Маун.

– А какой сейчас год?

После ответа Анкера капитан надолго замолчал, его память вернула земную жизнь десятилетней давности, что же произошло за остальные десять лет? Как ни старался он, не смог припомнить больше ничего, а воспоминания о морской жизни таяли, как туман в предрассветном небе, остались только маленькие разорванные обрывки, которые растворялись, и уловить их было невозможно.

– Кто же тебя отправил сюда? И когда здесь появился корабль? – не унимался моряк.

Паренек уже не скрывал беспокойства:

– Ваш шкипер и отправил. Корабль появился ночью в гавани три дня назад.

– И как же выглядит мой корабль?

– Что же, сэр, вы не знаете как выглядит ваш корабль? Это трехмачтовый флейт.

– С морским конем на носу и белой надписью «Азур» по борту? – продолжил капитан.

– Так и есть, – облегченно выдохнул Анкер. Он-то уж было подумал, что не того человека нашел.

Капитан поблагодарил монахов за спасение и отправился вместе с Анкером в порт, чтобы удостовериться, что это не ошибка, и его действительно ждут.

Анкер проводил его до причала, и мистер Эдвард с нескрываемым удивлением узнал свой «Азур». Это был совершенно новый корабль, он сверкал просмоленными и свежеокрашенными боками, как будто только что сошел с верфи. Галеонной фигурой был гиппокампус. Мистер Эдвард замер в удивлении. Корабль был точной копией его «Азура», как будто кто-то повернул время вспять, и он снова, как и много лет назад, в порту Эмеральда впервые увидел свой новенький корабль. Капитан положил руку на просмоленный бок и вдруг почувствовал удар, как тогда в море, перед гибелью «Азура», как удар сердца. Будто последний раз после того, как ожил гиппокампус, а теперь он снова замер, гордо вскинув голову, и приготовился служить. Команда высыпала на палубу. Моряки были так же обескуражены, как и сам капитан. Все они искали работу в родном графстве и вот, в один миг, очутились на корабле. Вечером легли спать в свои кровати, а утром проснулись в гамаках в кубрике и на койках в каютах. У всех в карманах было по кошельку с уже выплаченным жалованьем и подписанным контрактом. В кошельках вместо монет лежало по несколько десятков отборных, крупных жемчужин самого высшего качества. На кожаном боку кошелька красовалась выдавленная золоченая печать в виде морского конька.

В контракте было указано звание, и что они наняты судовладельцем Эдвардом Олдриджем. Шкипер Дэкстер, кроме кошелька и контракта, обнаружил на столике рядом с кроватью письмо, в котором было сказано, что капитан и судовладелец Эдвард Олдридж в данный момент отлучился с корабля для посещения старинного монастыря Маун и ждет известия о готовности к отплытию в графство Семи холмов. Ничего не понимая, Дэкстер поблагодарил небо за чудо, иначе назвать это было нельзя. Вместе с боцманом Норрисом они выстроили всю команду на палубе. Моряки убедились, что корабль полностью укомплектован – на борту были рулевые, плотники, парусные и канатные мастера, кок и даже капеллан. Опросив команду, Норрис и Дэкстер еще раз удостоверились, что все до единого моряка ничего не помнят о своем путешествии сюда. В жизни они видывали всякое и не привыкли долго рассуждать и

философствовать. Видно что-то произошло по дороге сюда, мало ли на свете чудес бывает. Может водоросли какие опутали корабль или попали они в чертов треугольник, а то может кок накормил их какой морской живностью, что позабыли они несколько недель. Главное, что они знают, где сейчас находятся, порт-то был знаком, и четко представляют себе, как им попасть обратно в графство. Кошельки туго набиты, и их семьям до конца жизни теперь хватит на кусок хлеба. Норрис подтвердил, что трюмы полностью загружены грузом чая и риса, а вода и провизия в полном достатке для обратного путешествия.

Капитан явился ближе к вечеру и выглядел довольно странно. Он был одет в длинную, яркую монашескую одежду, его волосы и борода сильно отросли. Мужчина стоял на причале, рассматривая корабль, как будто он его видел впервые.

– Тоже, наверное, память отшибло, как и нам, – усмехнулся Норрис.

Капитан поднялся на борт и представился команде. Он отправился в свою каюту и через час вышел из нее другим человеком. Закрывая за собой дверь каюты, мистер Эдвард вдохнул знакомый запах. Это была смесь из табака, его одеколона и кожи любимого кресла, с запахом промасленного дерева и морской свежести. Взглянув в зеркало, висящее над умывальником, он отшатнулся. В отражении был бородатый мужчина с длинными волосами.

– Тааак, нужно привести себя в порядок.

Капитан нашел ножницы, мыло и бритву на полке и остриг волосы и бороду. Когда он поднял волосы над висками, то с удивлением обнаружил изображение морского конька на коже, в волосах нах ухом. С другой стороны, было то же самое изображение. Это стало для него еще одним подтверждением, что сон все-таки был явью.

«Нужно обязательно записать все, что я еще помню», – подумал моряк.

В сундуке рядом с кроватью нашлась одежда, а под койкой стояли начищенные сапоги. Главное теперь, что бы явь его не разочаровала. Он поскорее хотел расправить крылья-паруса на «Азуре», чтобы снасти упруго зазвенели от свежего морского ветра, и корабль, ворвавшись в лазурную даль, понес бы его к родным берегам. Он надеялся, что его семья все еще в графстве.

Вскоре капитан оказался на знакомых морских просторах, корабль заходил в гавань порта Эмеральд. Он уже было хотел ветром лететь в родной дом, как Норрис его спросил про груз. Мистер Эдвард от радости совсем забыл, что трюмы-то полны риса и чая. Быстро решив дела со складами и разгрузкой, он направился к знакомой таверне.

«Хитрый омар» стоял на своем привычном месте, а за стойкой Томас. Он постарел и чуть раздался в боках, но это был Омар. Полотенце, которым он натирал бокалы, остановилось, а трубка повисла, прилипнув к нижней губе и роняя горячий пепел на пузо Томаса. Он встре-пенулся, пыхнув дымом и стряхнув уголек, который прожег маленькую дырку в фартуке. Не веря своим глазам, Том начал подходить к остановившемуся в дверях мужчине.

– Морского ежа мне за пазуху! Я не сплю, Эдвард? Это точно ты?

– Да, дружище, Томас, это точно я.

И приятели крепко обнялись.

– Как же, как же это возможно? Ведь только девять человек тогда вернулись. И только трое из них были с «Азура».

– Кто же вернулся?

– Барнс, Смитти и Том.

– Ах уж этот Барнс, он то переживал, что грехов у него много, – засмеялся мистер Эдвард, а видишь, жив остался.

– Где же вы были столько лет, кэп?

– Вот уж эта история сродни сказкам, которые мне матушка в детстве читала. Я расскажу ее тебе как-нибудь, Том. Но сейчас сообщи мне, пожалуйста, хорошую весть, что моя хохотушка Энни жива и здорова.

– Жива, кэп, жива и здорова, будь уверен. Она вместе с Питером и Мэри живет на маяке. А дом в Лайлак Хилл они продали, вскоре после твоего исчезновения. Боюсь только, хохотушкой она быть перестала десять лет назад. Ох уж они убивались! Все пороги «Вудса» обили. Это же они, пройдохи, вас сгубили. Да ты, кэп, похоже не все знаешь, – сочувственно покачал головой Омар, заметив ошарашенный взгляд друга. – Они ведь вам вместо риса камушков драгоценных загрузили, а на охрану тратиться не хотели. Дорого, видишь ли. Вот вас и порубили за эти камушки.

Капитан потер лицо шершавой ладонью, чтобы отогнать печаль и сильно сжал в руке кепку, тряхнул головой и похлопал Омара по широкой груди.

– Кто старое помянет... Жаль только ребят.

– Да ты, кэп, не поверишь, но большинство из них вернулись недавно. Вот чудеса- то у нас творятся. Пираты их продали в рабство, на далекий остров в море Наджи. Они работали там на шахтах, добывая драгоценные камни. Как будто мало они из-за них пострадали. Так ведь твои внучки – София и Вивьен – спасли весь остров от правившей там королевы-драконши и выпустили ребят из каменоломен проклятых.

– Так у меня их двое?

– Точно, кэп. Двойняшки ведь родились у Питера с Мэри. Удивительные девицы, скажу я тебе. Да ты и сам скоро все увидишь.

– Одолжи мне коня, дружище.

– Конечно, кэп, бери любого.

Глава 8

Бельки

Жизнь на маяке вошла в новое русло. Бабушка как будто очнулась после долгого сна, воспряла духом и порхала по дому. Просперо получал свою любимую кашу с удвоенной порцией изюма, а все домашние – удвоенную порцию любви и заботы. Дедушка не отходил от миссис Энни. Они могли подолгу, взяв друг друга за руку, сидеть у камина или гулять по пляжу. Счастье и безмятежность разливались по дому. Для девочек настало прекрасное время – морских историй стало в два раза больше, а они так любили рассказы про путешествия.

Внучки тоже кое-чем удивили деда. Рассказ про похищение Софии и отважный поступок Вивьен поразил его воображение. Все за один вечер не расскажешь, и девочки растягивали удовольствие, а дедушка требовал все новых и новых подробностей. Когда ему продемонстрировали возможности Пудинга, он лишился дара речи. В тот момент, когда конь расправил белоснежные крылья и взмыл в воздух с Вивьен и Софией на спине, дедушке понадобилась опора. Он поднимал голову все выше и выше, пока не потерял равновесие, изгородь как нельзя лучше оказалась под рукой. Мистер Эдвард все качал и качал головой, не веря в происходящее, пока Пудинг рассекал воздух высоко над лугом. Мама и бабушка протяжно ахнули, когда троица камнем летела вниз, Мэри закрыла глаза ладонью прямо перед тем, как конь мягко вышел из пике и легко коснулся копытами травы.

Дедушка, как юнец, подскочил к коню, как будто это не он несколько минут назад пошатнулся у забора.

– Вот это аттракцион! – воскликнул дед и уже было обхватил шею Пудинга, чтобы вскочить верхом.

Его остановил возглас миссис Энн:

– Ооох, Эдвард! – она не смогла сдержаться и, прижав руки к груди, сделала шаг к мужу, но в следующую секунду остановилась и наблюдала за своим капитаном.

Хитро улыбнувшись, отважный моряк сказал:

– Боюсь, такие выкрутасы уже не для меня, – подмигнул девочкам и, похлопав Пудинга по шее, отступил назад и приобнял жену, я вам скажу – это приключение так приключение. Я все думал вы приукрашиваете свой рассказ, а теперь вижу, что мои девочки самые отважные в мире. И думаю, что вы нам еще не все рассказали. Дедушка лукаво улыбнулся и в шутку погрозил пальцем.

Пока близнецы уводили коня, он потихоньку сказал миссис Энни на ушко:

– Эти девочки любому парню фору дадут.

– Фору-то дадут, – ответила бабушка, – только как нам из этих сорванцов приличных леди вырастить, ума не приложу. Что ни день – то приключение. Разбитые коленки, полный дом живности и грязные подола – это только начало, я чувствую, зададут они нам еще жару. Как мы их замуж отдавать будем, сама не знаю.

– Ох и хватила ты, моя милая. До тех пор еще все изменится.

– Я бы не была так уверена на твоём месте, – улынулась миссис Энн.

Когда книгу с пером убрали обратно на дальнюю полку в библиотеке, бабушка с мамой вздохнули с облегчением, и тревога ушла с их лиц.

– Вот уж эта отвага, она заставляет останавливаться от тревоги мое сердце, – прошептала бабушка.

– И не говори, Энни, – я сама не своя становлюсь, как только вспоминаю о том, что могла потерять их обеих.

Как-то осенним утром дедушка ворвался в дом с криками:

– Вы не поверите!

Следом за ним вошла запыхавшаяся бабушка, потребовала воды и плюхнулась на стул, пытаясь отдышаться.

Невыспавшийся папа спустился вниз и спросил:

– Что еще у нас произошло?

– Весь дальний пляж заняли тюлени! – выпалил дед.

Девочки тут же начали собираться, чтобы посмотреть на это зрелище.

Вся семья, хохоча и пытаясь обогнать друг друга, направилась смотреть тюленей. Они оставляли позади себя глубокие отпечатки ног, нарушавшие идеальную упорядоченность миллионов песчинок, сложенных дождем, ветром и морской водой. Песок был мокрым, и ноги, увязнув в нем, отказывались двигаться дальше, пока вдруг не упиралась в твердую горную породу. Здесь все останавливались и, тяжело пыхтя, как взмыленные кони, жадно ловили прохладный соленый воздух, а ветер, тяжело вздохнув и неодобрительно дернув гостей за волосы и шали, снова принимался наводить порядок, замечая следы, укладывая на место песчинки и шепотом призывая себе в помощь дождь и море.

Наконец, они добрались до того самого дальнего пляжа, где бабушка с дедом видели стадо.

Из-за высокого вейника перед ними предстало невероятное зрелище. Весь пляж был занят тучными, неуклюжими телами. Несколько крупных самцов собрали здесь свои большие гаремы. Животные громко урчали, а самки, по всей видимости, устраивались, чтобы произвести на свет потомство. Они пытались раскопать своими маленькими лапами небольшие углубления и сделать подобие гнезд из песка. Существа очень быстрые и даже грациозные в воде, тюлени были очень неуклюжи на суше. Их могучие тела придавливали к песку пляжа и они, судорожно сжимая мышцы и неловко выгибая тело, пытались рывками проползти еще и еще метр.

– Прямо как я, в первые дни на суше, – усмехнулся дедушка.

Шкура тюленей была серого цвета, на ней выделялись более темные пятнышки. На суше их мех распушался, и они казались еще больше. Выглядели они очень мило – гладкая безухая голова, покрытая щетинкой серого цвета, и огромные круглые черные глаза, доверчивые и наивные, как у детей. Они ложились на бок, поднимали голову и смешно прижимали маленькие ручки-ласты к животам. Самцов было мало, и все они выделялись более темной шкурой и внушительными размерами. Они рыкали друг на друга, защищая вновь обретенную территорию, и в этот момент становилось понятно, что эти миляги не так уж и безобидны. Отстаивая свои права, они устраивали бои, придавливая друг друга, тут уже и зубы шли в ход.

Вивьен подошла поближе и неуверенно поздоровалась:

– Дд... добрый день, у...уважаемые!

Самый большой самец любопытно подполз поближе. Самки, напротив, шарахнулись в разные стороны от невиданных зверей, оставив свои гнезда пустыми.

Вивьен поняла, что привлекла к себе внимание всего стада и продолжила:

– Позвольте узнать, откуда прибыла ваша многочисленная компания?

– Мы приплыли с Янтарного берега, – ответил самый большой и смелый самец.

– Счастливы приветствовать вас, – Вивьен склонила в поклоне голову.

– Нам понравился этот пустынный пляж, он скрыт от чужих глаз, задача у нас деликатная.

Пришла пора появиться на свет нашим детям. Период охоты подошел к концу, рыбы в этих водах очень много, и мы нагуляли приличный жирок, пока охотились здесь, – в подтверждение самец похлопал себя по упитанному боку и усмехнулся.

– Мы очень рады гостям, добро пожаловать, если вы позволите, мы будем навещать вас здесь, – сказала девочка в надежде, что ей не откажут.

– Что ж, мы не против, но не забывайте, что детям нужна тишина и покой.

– Да, да, конечно, мы будем вести себя очень тихо. Как здорово! – захлопала в ладоши Вивьен и передала разговор родным.

– Значит, мы скоро увидим маленьких тюленят? Может быть, нам даже разрешат их погладить? – воодушевилась София.

– Это вряд ли, – ответил дедушка, покосившись на парочку тюленей-задир, которые, громко рыча, устроили драку на пляже. Они не подпустят вас к малышам, а еще хуже, если какая-то из самок испугается, она вполне может бросить детеныша.

– Что, совсем бросить? – спросили близняшки.

– Да, тогда, скорее всего, малыш погибнет

– Вот дела! Никогда не видел их так близко, – сказал Питер, он до сих пор стоял как вкопанный, ошарашенный увиденным, – В северных бухтах тюлени появляются ближе к зиме, но здесь... чудеса, да и только.

Еще немного понаблюдав, семья попрощалась с гостями и отправилась в обратный путь. Дорога в гору по песку была еще сложнее. Подталкивая друг друга, компания двинулась домой. А ветер, разозлившись, с яростью подгонял их, ведь он только принялся наводить порядок.

Теперь каждый день у девочек была особая миссия. Они как на работу ходили на дальний пляж смотреть, родились ли тюленята.

Прошла неделя и, наконец, чудо произошло. Это было утром. Как обычно, после завтрака, сестры отправились в свое маленькое путешествие. Дойдя до пляжа, они присели на корточки в высокой траве, чтобы не тревожить мамаш. На первый взгляд им показалось, что все по-прежнему. Нетерпение Вивьен уже было собиралось вырваться наружу, она поджала губы, и разочарованное мычание почти сорвалось с уст. Но тут одна из самок перевернулась в гнезде, и острый слух девочки уловил тоненький писк. Вивьен подскочила, рискуя напугать стадо, а София непонимающе переводила взгляд с подпрыгивающей и мычащей что-то невразумительное сестры на тюленей.

Наконец Вивьен справилась с радостью и выдала нечто свистяще-шипящее громким шепотом:

– Смотри, сшмотри быстрее, Сшофи. Тюленята! Видишь?

– Оооох, – только и смогла ответить София, все ее внимание было приковано к одному из гнезд.

У самок родилось по одному малышу. Удивительным было то, что шубка малышей совершенно отличалась от меха взрослых тюленей – они были белоснежные. Только черные пуговицы круглых глазок выделялись на белом маленьком комочке. Теперь мамаша неустанно следили за своими чадами и уже очень редко отлучались в море. София и Вивьен очень хотели подойти поближе и рассмотреть малышей, но помнили предостережение деда. Просидев в своем наблюдательном пункте несколько часов, они опоздали к обеду.

– Это безобразие! – строго сказала мама, когда близнецы забежали в дом.

Дедушка читал газету, а папа, потеряв надежду пообедать, взялся прикреплять грузила к старым рыболовным крючкам.

Поняв, что шанс отобедать снова появился, он быстро сложил обратно в коробочку рыболовные снасти:

– Голодная семья уже заждалась! – сказал он укоризненно.

– Да, да, это бесчеловечно. Жаркое так пахнет, что можно подавиться слюной, а вас все нет и нет, – поддержал его мистер Эдвард.

– Не сердитесь, пожалуйста, – сказала Вивьен и поцеловала деда в щеку, мы с новостями.

– Они родились! Они абсолютно белые, без единого пятнышка! – выпалила София.

– Конечно белые, – немного смягчилась мама, – вам нужно лучше изучать энциклопедию, а не бегать по всему побережью. Ведь их называют бельками из-за этого меха. На суше они

будут оставаться ровно до тех пор, пока белая шубка не сменится на более подходящую для воды серую щетинку, как у взрослых, и тогда они последуют за родителями в море. Но это произойдет только через несколько недель, а пока они будут находиться только на суше вместе с мамами, и у вас еще достаточно времени, это не повод пропускать обед.

Через несколько дней девочки попросили папу отправиться на рыбалку, чтобы наловить сардин и селедок, они надеялись, что тюленихи соблаговолит принять угощение, а заодно разрешат им полюбоваться малышами поближе.

Папа с дедом захватили с маяка ящик со снастями и парус, а девочки собрали свежих булочек и яблок. Погода выдалась теплая. Это не было летнее тепло, хотя солнце еще радостно пригревало макушку и ярко отражалось в морской ряби, прохладный бриз, вороша волосы, напоминал о приближающихся холодах. Остановившись недалеко от берега, они раскинули удочки и ждали улова. Лодку покачивало, и каждый погрузился в свои мечты и тихое умиротворение, казалось, вода забирает все тревоги и суету обыденной жизни. Папа задремал, как в колыбели, после ночной смены. Ему снилось открытое море, бескрайний простор, и манили вперед неизведанные берега. Сейчас ему было лет семнадцать, и все дороги мира открыты перед ним. Во сне он стоял рулевым и, гордо подняв голову, держался за штурвал. Тут кто-то бесцеремонно толкнул его в бок, и он, растеряв важность, приземлился на палубу, встрепнулся и уже собирался ответить обидчику, но открыв глаза, не сразу понял где он. Потеряв равновесие спросонья, Питер свалился с сиденья, выронив из рук удочку.

– Питер, клюет, клюет, подсекай! Ай, упустил! – отец, отирая рукавом слезы, хохотал над ним.

Девочки тоже хихикали.

Пряча улыбку в усах, Питер подхватил удочку и, как ни в чем не бывало, снова уселся на скамейку.

– Ничего, я еще утру вам носы, – насаживая новую наживку, сказал он.

Через три часа они возвращались домой с приличным уловом сардин, и большую часть действительно поймал Питер.

Папа с дедом мечтали вслух о жареной рыбке или рыбном пироге, а девочки громко возмущались, что угощение они ловили для тюленей.

– Чем же мы с дедом хуже тюленей? – папа шутливо побил себя по боку рукой, как ластой, и издал звук, похожий на тюлений рев, дед подыграл ему.

Вивьен расхохоталась и сказала:

– На тюленьем языке вы сейчас сказали, что очень объелись и рыбу видеть не хотите.

– Ну, это мы погорячились, от рыбного пирога я сейчас ни за что ни откажусь.

Вечером вся семья сидела в гостиной и уплетала за обе щеки жареную рыбу с картофелем и пирог. На столе горели свечи, камин ярко пылал, согревая всех домашним теплом и уютом. Уставший папа уснул прямо в кресле перед камином, а бабушка и девочки устроили на маяке вечер непослушания. Мистер Эдвард с большим удовольствием взял на себя обязанности Питера на эту ночь.

Вивьен и София уселись в папино кресло вдвоем и рассказывали деду историю про мистера Лавандового Грюна. Дед хохотал, сидя на шерстяном пледе.

– Ты даже не представляешь, как удивлялись и краснели мама с бабушкой, когда узнали, кого они клали в свои комоды, – хихикала Вивьен.

– Да, репутация наших леди теперь сильно подмочена, – покачивал головой бабушка, с напускной серьезностью изображая манеру миссис Энн.

– Мама просит даже не напоминать ей о саше с лавандой, – сказала София.

– А как же мистер Грюн? Вы обещали устроить его личную жизнь.

И тут девочки виновато переглянулись, вспомнив, что они не исполнили свое обещание и не съездили с мистером Грюном на ферму «Лаванда», чтобы выбрать там самую красивую гномиху.

– Мы в эти же выходные постараемся исправить дело, – пообещала София. Я даже готова расстаться с кукольным домиком и подарить его Лавандовому Грюну, чтобы ему было куда привести жену.

Сейчас гном жил в шкатулке, которую девочки освободили от сокровищ, а кроватью ему служил большой спичечный коробок, застеленный пледиком из зеленой шерсти, который связала София.

На следующий день сразу после завтрака девочки отправились к тюленям с угощением, которое они отвоевали у папы и деда. В их распоряжении были пятнадцать небольших рыбок, и они надеялись, что тюленихи не откажутся от угощения.

Подойдя поближе к стаду, Вивьен спросила:

– Уважаемые тюлени, не согласитесь ли вы принять от нас в подарок свежих сардин.

Несколько мам-тюлених повернулись к девочкам и стали переговариваться:

– Нас хотят угостить свежей рыбой?

– Я бы не отказалась от парочки жирных сардин, – причмокнула одна из них.

– Да, мы уже неделю почти не ели, если не считать нашей быстрой охоты позавчера.

Они ждали одобрения от отца семейства, крупного самца. Он только что вылез из воды славно поохотившись, шерсть его еще была мокрой и блестела как расплавленная черная смола.

– Невежливо отказываться от угощения, – ответил он.

Девочки, осторожно ступая между гнездами, начали угощать тюленей рыбой. Когда они подходили, мамы, оставив детей, подползали поближе и благодарно принимали угощение. Близнецы во все глаза наблюдали за малышами, они были прелестные. Белая шубка, как облако, покрывала их тельце. За неделю они значительно прибавили в весе. Одна из тюлених развернулась, чтобы было удобней взять рыбу, и в этот момент девочки увидели, что в гнезде остались сразу два белька. Оторвавшись от матери, они тыкались москьями друг в друга и пищали. Глазки бельков слезились и, казалось, что они плачут. Близнецы удивились, что у одной мамы родились сразу два малыша, дед и папа утверждали, что у тюленей бывает только по одному детенышу.

Вдоволь налюбовавшись на малышкой и раздав всю рыбу, девочки отправились домой. Ворвавшись в гостиную, растрепанные близнецы наперебой стали объяснять деду, что он был не прав, и на пляже есть бельки, которые так же, как и они, близнецы.

– Это очень удивительно, самки обычно производят на свет только одного малыша. Им очень сложно выкормить двух. Еще парочка недель, и мамы оставят их одних. А ваши крохи будут весить больше, чем сейчас весите вы.

– Как же так? Мама так рано оставляют своих деток...

– Такова жизнь. Мамам нужно охотиться, чтобы выжить, и у них начинается новый год, в котором они опять должны произвести на свет свое потомство.

Девочки еще несколько раз ходили на дальний пляж. В пятницу они заметили, что мама бельков-близнецов очень надолго оставила их одних, они жалобно пищали и далеко уползли от гнезда, пытаясь ее разыскать. Бельки тыкались в бока других тюлених, но те отгоняли их, не желая принимать еще одного малыша.

– Куда же делась их мама, почему ее так долго нет? – возмущалась Вивьен.

– Может быть она заплывла далеко, чтобы поохотиться?

Прошел час, потом еще час. Девочки устали ждать, и им было очень жаль малышкой, но нужно было возвращаться.

На следующий день, прихватив с собой рыбы, сестры с самого утра засобирались к тюленям.

– Что это в такую рань? – спросила бабушка.

– Мы беспокоимся за бельков. Мама близнецов вчера не вернулась в гнездо, и когда мы уходили, они жалобно пищали и ползали по всему пляжу.

Дедушка сказал:

– А я говорил, что мамыши могут выкормить только одного белька. Скорее всего она вовсе больше не вернется.

– Как не вернется, что ты такое говоришь, дедушка! Обязательно вернется! Не может же она просто их бросить.

– Дай бог, дай бог, – сказал дед и углубился в чтение альманаха по рыбалке, который он с трудом отвоевал у другого покупателя в книжной лавке мистера Бибери. Он был очень доволен собой, и сейчас его занимал вопрос изготовления нового вида лески для удочек и глубина обитания угря, поэтому про бельков он слушал вполуха.

Чуда не произошло, и девочки, проведя еще полдня на пляже, убедились в том, что бельки снова одни. Другие тюлени не принимали их, и они, прижавшись друг к другу, тихонечко лежали в своем гнезде, надеясь, что мама вернется.

Сердце разрывалось при взгляде на голодных малышек. Они обессилили, замерзли и были очень напуганы. София зашмыгала носом и, чтобы скрыть слезы, склонилась в поисках носового платка.

– Может нам попросить остальных тюленей принять малышек? – сказала растерянная Виви, ее глаза тоже были на мокром месте.

– Думаю, что это бесполезно. Если бы они могли, они бы уже приняли их. Если другие мамыши начнут кормить еще двух малышек, то молока не хватит никому.

Расстроенные близнецы начали придумывать план спасения.

– Нужно подоить Роуз и принести им молока в бутылке с соской, – уверенно сказала Вивьен.

– Точно, – и тут щеки Софии вспыхнули. Она вспомнила обещание, которое они дали дедушке, – сегодня суббота, Вивьен, а мы обещали сходить с Грюном на ферму «Лаванда».

Вивьен поджала нижнюю губу:

– Как мы могли забыть, так стыдно! Ладно, давай накормим сегодня бельков, а завтра уж точно прямо с утра устроим мистеру Грюну сватовство.

Так и решили. Подбрав юбки, девочки быстрее молнии понеслись обратно к маяку. Взяв на кухне маленькое жестяное ведро, они сообщили бабушке и маме, что пойдут доить козу.

– Девочки вихрем ворвались в сарай и, поздоровавшись с Пиппи, Роуз и Пудингом, стали объяснять козе, что им срочно нужно подоить ее, чтобы накормить молоком маленьких бельков, которых бросила мама-тюлениха.

– Нееет, это ни в какие ворота не лезет! Что же я вам – тюлень!

Пудинг протяжно заржал:

– Иииииииоооо! Не бойтесь, милые леди, что у ваших бельков вырастут рога и копыта.

– Ххрюииии, хрюииии, – подхватил Пиппи. – Ага, и они поскачут к маяку искать свою маму.

Роуз прищурила глаза и отвернула вымя от Софии, которая держала в руках ведро.

Бабушка, заподозрив очередную историю, пришла в сарай следом за близнецами.

– Что это вы вдруг решили доить Роуз до обеда, опять выдумали какую-нибудь проделку? – уперев руки в бока, спросила миссис Энн.

– Бабушка, мама бельков до сих пор не вернулась, – ответила Вивьен чуть не плача.

– Дедушка сказал, что они скорее всего погибнут, – поддержала ее София, – мы решили накормить их молоком Роуз, а она не соглашается. Что ей молока жалко?

– И правильно не соглашается, – сказала бабушка, – у них будет заворот кишок, с ума вы что ли сошли. Ведь Роуз – не тюлень.

– Вот-вот, и я говорю, – кивала коза.

– Но ведь малыши погибнут, их нужно чем-то накормить.

– Давайте спросим у деда и папы, есть у меня одна идея, – сказала бабушка.

Мужчины, выслушав честную компанию, которая явилась к ним на маяк, подтвердили догадки миссис Энн.

А предложила она вот что:

– Нужно взять крабов, вчера вечером они наловили их в бухте за большими камнями, перемолоть, добавить воды и побольше рыбьего жира, который стоял в кладовке в большой стеклянной бутылке.

Бутылку эту девочки очень не любили, им давали рыбий жир, когда они заболели. Они даже хотели закопать ее поглубже за сараем, чтобы больше никогда не чувствовать этот противный вкус. При одном воспоминании о нем все тело покрывалось мурашками.

– Фуууу!

– Фуууу! – заголосили девочки в один голос.

– Это вам фууу, а для тюленей ничего вкуснее нет! Молоко у тюленей очень жирное, – ответил дедушка, – А всего лучше для них – большая рыба посочнее и пожирнее. У берега такую не выловить, нужно в Лайлак Хилл на рыбный рынок отправляться. – Завтра утром, так уж и быть, отвезу вас на рыбный рынок, а на обратной дороге заедем на ферму «Лаванда», – хитро улыбнувшись, сказал дедушка и подмигнул им, – Выезжать нужно ни свет ни заря, рыбаки то ранние пташки!

Так и сговорились. Девочки вытащили корзину с крабами, а бабушка достала с полки неприятную бутылку с желтой маслянистой жидкостью.

Промолов очень мелко нежное крабовое мясо, бабушка добавила туда воды и, открыв ненавистную склянку, добавила добрую порцию рыбьего жира. Девочки, зажимая пальцами носы, разлили мутную жидкость в две бутылки, а бабушка нашла в сундуке на чердаке две каучуковых соски, из которых девочек кормили в младенчестве. Натянув соски на бутылки и уложив их в корзину, сестры отправились на дальний пляж. Папа пошел сопровождать их, опасаясь, что тюлени такой бесцеремонности не потерпят.

– Надеюсь, бельки действительно любят рыбий жир, – сказала Вивьен.

– Я бы ни за что не согласилась такое выпить, – сморщила нос София.

Подойдя поближе к гнезду с осиротевшими бельками, Вивьен крикнула погромче, что бы слышало все стадо:

– Уважаемые тюлени, с вашего разрешения, мы хотели бы покормить этих двух бельков.

– Как это они их покормят? – начали переговариваться мамы-тюленихи.

Большой самец приподнял голову, выгнув дугой свое мощное тело. Он не привык вмешиваться в женские дела, но ему было жаль двух малышек. Тюлениха, которая их бросила, была совсем молодая и неопытная мамаша, и это был ее первый помёт. Даже умудренные опытом материнства взрослые кумушки не всегда справляются с двойней, а тут – молодка. – Я не против, покормите, если у вас это получится. И стая любопытно подползла поближе.

Вивьен скомандовала: «Вперед!»

София кинулась за сестрой.

Папа, удивленно вытаращив глаза, пошел сбоку, поближе к большому самцу, пытаясь встать преградой между ним и девочками, недоверчиво косясь, чего доброго, погонят непрошенных гостей, которые самоуверенно вторглись в жизнь тюленьей семьи.

– Ооон действительно согласился? – спросил Питер у Вивьен, вздрогнув, когда тюлень решил перевернуться и немного рыкнул.

– Не сомневайся, ему тоже жалко малышек, – ответила девочка.

Сестры вытащили из корзинки бутылки с натянутыми на них сосками и присели на колени рядом с обессиленными малышами. Они уже не пищали, их силы закончились и без слез смотреть на них не было мочи. Черные бездонные глаза малышей были полны отчаяния.

Тюленята отказывались брать в пасть странные соски и вяло вертели головой. Немало помучавшись, девочки все перепачкались и перемазали белькам белоснежный мех.

– Ничего не выходит, – в отчаянии воскликнула София и шмыгнула носом от отчаяния.

– Не останавливайся Софи, если мы их не покормим, они умрут к завтрашнему утру! – уверенно сказала Вивьен.

– Может соску попытаться подставить сбоку? – папа топтался рядом. Понимая свою беспомощность он приподнял плечи, вытянул шею, заглядывая через плечо Вивьен и жестом показывал куда нужно подставить соску, хотел было добавить еще совет, но умолк.

Девочкам все же удалось впихнуть в сопротивляющихся бельков немного еды. Ворочая языками, тюленята пытались выплюнуть жидкость, но распробовав, жадно припали к бутылкам, громко чмокая, приноравливаясь к соскам и прикрыв глаза.

– Ух, ну наконец-то! Получилось все-таки! Я-то уж очень сомневался, что у нас хоть чтонибудь выйдет. Вот чудеса, кому рассказать – не поверят! – Питер оживился и стал нетерпеливо расхаживать взад-вперед, девочки его сейчас не слушали, так что разговаривал он практически сам с собой.

София утерла нос, перепачкавшись еще больше песком и рыбьим жиром, и разулыбалась, а Вивьен пыталась убрать грязной рукой выбившиеся пряди волос. Девочки боялись шевелиться, чтобы не спугнуть малышей.

Тюлени же переговаривались:

– Ах, как чудесно пахнет.

– Я бы тоже не отказалась от такого угощения!

Через час папа привел девочек домой, он открыл дверь пропуская дам и громко сказал:

– Принимайте кормилиц!

Он прятал в усах улыбку, но глаза его выдавали, они аж слезились от смеха, который он сдерживал, понимая, какую реакцию вызовет вид близнецов. Он поставил на пол корзину с бутылками, которые негромко звякнули и про себя успел досчитать до трех.

Бабушка и мама выглянули из гостиной и ахнули.

– Ооох ты, божечки! – округлила глаза мама.

Все платья, передники, чулки, лица и волосы были перемазаны рыбьим жиром, крабовым мясом и прилипшим к ним песком.

– Ну и видок у вас, молодые леди! – прижав к груди руки сказала бабушка.

Она подошла поближе и, взяв их за воротники, повела отмывать.

– А заааапах! – мама, поднесла к носу надушенный платок и пошла помогать бабушке.

Питер смеялся развязывая ботинки, – Реакция дам так предсказуема! Это надо-же, тюлени...! – сейчас он был так горд за своих девочек. Он прошел в гостиную, сел в кресло и задумался, сейчас ему не верилось, в то, что Вивьен и София могут стать взрослыми женщинами, которых будет заботить чистота и порядок в доме, сейчас им как мальчишкам подавай приключения и подвиги. Он понимал, что со временем каждая из них станет прекрасной хозяйкой, обзаведется семьей, но ему бы очень хотелось, что бы они остались такими же порывистыми и чуткими, а их пламенные сердца были открыты миру как в детстве. Сегодня они дали ему такой большой жизненный урок – нет ничего невозможного в жизни если тобой движет любовь и сострадание.

Глава 9

Сватовство

На следующее утро, не без усилия встав затемно, девочки приготовили сами завтрак, заварили чай и разбудили деда, чтобы ехать на рыбный рынок. Рынок работает только до девяти утра, потом вся рыба будет распродана, а им нужна была самая свежая, самая крупная и самая жирная рыба.

Дедушка запряг Пудинга в повозку. Тот сокрушался, зачем это в такую рань его разбудили, ведь мистер Питер не затушил еще даже фитили на маяке.

Девочки взяли две корзины, которые застелили свежей соломой, и уселись в повозку.

– Не забыли прихватить мистера Грюна? – спросил, обернувшись, дедушка.

– Нееееет, не забыли. Посмотри как он разделся.

Мистер Лавандовый Грюн вылез из кармашка пальто Вивьен и встал на скамеечке, сняв шляпу и склонив в приветствии голову:

– Доброе утро, мистер Эдвард!

Глаза Грюна сияли даже несмотря на то, что от волнения он не спал почти всю ночь.

Старый моряк аж присвистнул:

– Вот это щеголь!

Мистер Грюн был одет в черный сюртучок, брючки, а воротник белой сорочки украшал широкий галстук.

– Я давно готовился, – смутился Грюн, – миссис Мэри дала мне отрез прекрасного шерстяного сукна и я сшил костюм.

– Ну, теперь мы просто обязаны выбрать невесту, какой жених пропадает, да еще портняжничать умеет!

И компания двинулась в путь. Солнце начало показывать свой розовый краешек, когда Пудинг въехал на центральную площадь Лайлак Хилл.

Несмотря на ранний час, на рыбном рынке царило оживление. Хорошая хозяйка знает, чтобы купить хорошей рыбы – нужно встать до петухов.

Выбор был велик. Треска и пикша удивления не вызывали. Но здесь было много другой морской живности. Ежи растопырили иголки на одних прилавках, а лангусты раскинули свои большие клешни на других. Кальмары, креветки, крабы, зубатка с огромной пастью. Девочки, ходили по мокрым доскам пола, стараясь снова не испачкать подошвы. Дед выбрал несколько больших лососей и скумбрий для бельков и угрей для коптильни, не забыв про ужин, – вот будет лакомство.

Около выхода он прихватил еще одну большую бутылку рыбьего жира.

– Вдруг ваши бельки выпьют весь запас вкуснятины, и вам ничего не останется, – засмеялся дед, – Вот как только полюбите рыбий жир, сделаю из вас настоящих моряков, возьму в плавание.

– В меня его столько вчера впиталось, что даже бабушкино лавандовое мыло не справились, – гордо вскинув голову сказала Вивьен. Она понюхала свой кудрявый локон и утвердительно произнесла – Я, дедушка, и сейчас вполне готова!

Глаза Софии вспыхнули, – Да за такое я готова выпить всю эту бутылку целиком.

Вивьен вспомнила пудинг на борту корабля Вирджилиуса, сглотнула подкативший к горлу комок и подумала, что рыбий жир не так страшен как корабельные десерты.

– Согласна, только пообещай мне, что на борту не будут подавать пудинг, – сказала девочка.

– Чем это он тебе так не угодил? Мне кажется, дома ты его за обе щеки уплетаешь.

– Я тебе как-нибудь расскажу, когда у нас будет следующий вечер непослушания?

Пудинг не спеша подкатил их к ферме «Лаванда». Девочки сразу направились в лавочку, где продавали всякую всячину из ароматных цветов, а дедушка задержался перекинуться парой слов с хозяином фермы Валентино.

– Мистер Эдвард, как же я рад вас видеть!

– Здравствуй, Валентино!

И мужчины крепко пожали друг другу руки.

– Откуда держите путь?

– Да вот, ездили на рыбный рынок в Лайлак Хилл, а теперь завернули к вам за лавандой для комода. Женские дела, понимаешь, – подмигнул мистер Эдвард, покрутив рукой.

Валентино, заглянув в корзины, присвистнул:

– Соскучились по лосою? Вы решили скупить всю рыбу на рынке?

– Да как тебе сказать, – почесал затылок капитан, – я-то не очень, а вот тюлени...

– Какие тюлени? – удивленно вскинул бровь Валентино

– Представляешь, на дальнем пляже, за маяком, обосновалось целое стадо.

– Чудеса. В наших бухтах их сроду не было. Так что же вы решили все стадо кормить рыбой? Эдак и разориться недолго.

– Нееет, конечно. Девочки обнаружили двух бельков, которых мать бросила. Родились сразу два, она и не справилась.

– О, ну тут я не удивляюсь, все знают, как Вивьен умеет с животными и птицами ладить. Значит, теперь она бельков спасает? Вот ведь отважная девчонка.

– Так и есть, и сестра такая же! Ну, пойду посмотрю, что они там выбрали, – дедушка не показывал вида, но сгорал от любопытства.

А девочки все перебирали маленьких гномиков-саше в корзинке.

– Что ж вы еще не справились?

– Нет, дедушка. Грюн такой привередливый оказался. Никто ему не нравится.

Гном пригорюнился, свесившись из кармана пальто.

– Посмотрите, мистер Грюн, какая интересная, – и Вивьен взяла в руки пухленькую кудрявую гномиху в платье в мелкий цветочек.

– Берите, берите не сомневайтесь, саше совсем свежие, лаванда этого года чудо как хороша, – сказала жена фермера, миссис Луиза.

– Да, да, это точно, очень свежая и ароматная, – чихнул дед, пряча улыбку.

Мистер Грюн только отрицательно помахал головой.

– Вот видишь, дедушка!

– А ты как думала, дурашка, женитьба дело серьезное, это ж на всю жизнь. Вот выбе-решь не ту и будешь потом всю оставшуюся жизнь жалеть. Вы, мистер Грюн, не торопитесь, не торопитесь, присмотритесь получше, может какая глянется, – сказал капитан, и компания перешла к следующей корзинке.

София бродила чуть в стороне, разглядывая в витрине стеклянные баночки с лавандовым чаем. Тут взгляд ее упал на маленькую куколку с белоснежным, фарфоровым личиком. Это была миниатюрная девушка из страны Ниппон, в кимоно, с веером в маленькой фарфоровой ручке.

– Вивьен, посмотри какая прехорошенькая, – воскликнула София.

И дедушка вместе с Вивьен подошли к витрине с чаем.

Грюн чуть не вывалился из кармана, пытаясь знаками показать, что он совершенно точно сделал свой выбор.

– Даааа, – дедушка удивленно вскинул бровь, – вы точно уверены, мистер Грюн, это же совершенно не лаванда?

– Я точно, точно уверен, – сказал Грюн, прижав руки к груди.

– Я вижу вам понравилась маленькая Миноко, – миссис Луиза отвлеклась от подсчетов и посмотрела поверх очков, – нам ее привезли с партией чудесного зеленого чая, даже не знаю, как она оказалась в коробке. Наверное, это был подарок за большой заказ. Мы смешиваем этот чай с цветками лаванды, получается очень необычно, – Только боюсь, куколка у нас одна, – жена фермера сняла очки и переводила взгляд с одной девочки на другую, раздумывая как они будут ее делить.

– Аааа нам вполне достаточно! – загадочно ответил мистер Эдвард, без нее мы точно не уйдем отсюда, – потом незаметно подмигнул Грюну, усмехнулся и шепотом добавил, – Мы ведь не гарем собираем.

Миноко положили в маленькую деревянную коробочку, застеленную шелковой тканью, и вручили девочкам. Вместе с Миноко покупатели выбрали зеленого чая с цветками лаванды и чайный набор: тяжелый чайничек и маленькие пузатые стаканчики-пиалы. Миссис Луиза сказала, что этот чай непременно нужно заваривать в таком чайничке, тогда он будет очень ароматным и вкусным.

Когда путники уже уселись в повозку, миссис Луиза выбежала из лавки, высоко подняв над головой руку и что-то показывала.

– Саше, саше, вы ведь приехали за саше, а я вас заболтала так, что вы забыли его купить. Это подарок, вы так много сегодня купили.

Дедушка, похлопав себя по заметно похудевшему кошельку, сказал:

– Думаю, миссис Луиза, за саше мы заедем в следующий раз, а то боюсь нам придется выбирать еще и гнома в пару к этой красотке, а у нас уже кукольные домики закончились, – указал он на маленькую пухлую гномиху в руках миссис Луизы.

Женщина попрощалась ничего не понимая, покрутила головой, растерянно посмотрев на саше в своей руке.

На обратном пути София крепко держала коробочку с Миноко, а мистер Грюн не сводил с коробочки глаз, сидя напротив на складках пальто девочки.

– Очень прошу вас, мисс Вивьен, сегодня же найти нашу книгу, – краснея и заикаясь, сказал Грюн.

– Воооот она – любовь с первого взгляда, – оглянулся дедушка, – ну все, Пудинг, одним холостяком скоро станет меньше.

Пудинг фыркнул: – «Ну уж это без меня! Появятся жеребята, тьфу ты, ребята, и прощай свобода».

Девочки раскраснелись.

Глава 10

Дитя моря

Бедному мистеру Грюну пришлось ждать до самого ужина. Миноко достали из коробочки и посадили в кукольный домик на стульчик. Она застенчиво улыбалась, прикрыв личицо веером. Лавандовый Грюн, как верный рыцарь, ходил под дверью домика, охраняя свою драгоценность.

Девочки же, сделав еще тюленьего молока из лосося с рыбьим жиром, отправились кормить малышей. Только теперь предусмотрительная бабушка одела их в брюки, которые заправили в высокие сапоги, а сверху под самый подбородок были застегнуты непромокаемые плащи из плотной конопляной парусины, чтобы легче было отмыть спасателей.

Тюленята уже не отказывались от бутылочек, а с удовольствием, причмокивая, выпили «ароматное» молоко. Немного побыв с бельками, близнецы вернулись домой как раз к вечернему чаю.

Папа и дедушка уложили оставшуюся рыбу в холодную кладовую и раскочегарили копильню, сделанную из большой старой дубовой бочки.

– Сегодня на ужин будет копченый угорь, – крикнул папа, завидев возвращавшихся девочек.

– Хоть какая-то польза от ваших бельков, давненько я не лакомился копченым угрем, похлопал себя по животу дедушка, а живот предательски нетерпеливо заурчал.

– А у меня в кладовой припасен небольшой бочонок старого доброго эля. Вот мы сегодня и отметим помолвку мистера Грюна. И мужчины подвесили на длинные крюки страшно похожих на змей угрей.

Девочки сморщили носы и поскорее пошли в дом. Сняв плащи и сапоги, напрямик направились в библиотеку за заветной книгой.

Мама принесла им поднос с чаем и печеньем:

– Заговорщики, чем вы тут занимаетесь?

– Пытаемся оживить Миноко.

Мама покачала головой и вышла, потихоньку закрыв дверь.

Мистер Грюн уже подскакивал от нетерпения.

Отрыв книгу, Вивьен взяла Миноко, положила ее на открытую страницу и начала читать.

Мистер Грюн с замиранием сердца следил за происходящим.

Миноко лежала неподвижно на открытой странице.

– Может быть, это была другая страница? – спросила Вивьен Лавандового Грюна.

– Ну же, мисс Вивьен, конечно, другая, намного раньше той, которую вы открыли. – И Грюн нетерпеливо стал переворачивать страницы, пока девочка держала Миноко.

– Аккуратно, мисс Вивьен, она такая хрупкая, – беспокоился Грюн

Вивьен закатила глаза:

– Ой, да, конечно!

София предложила поддержать Миноко, она ей очень нравилась. Девочка взяла из рук сестры куколку и аккуратно расправила ее кимоно и веер.

Они всё снова и снова прикладывали ниппоночку к страницам книги и читали, но чуда не произошло, и Миноко по-прежнему застенчиво держала веер неподвижной фарфоровой ручкой.

Чай давно остыл, а заговорщики перелистали уже все страницы книги, прикладывая к ним куколку.

Угорь был готов, и папа с дедом нетерпеливо ждали всех за стол. Они уже откупорили свой бочоночек и, сидя около камина, отхлебывали из глиняных кружек плотную пену.

Отчаявшись попробовать угря, мужчины направились в библиотеку.

– Как у вас дела? Мистер Грюн будем мы отмечать сегодня вашу помолвку или нет?

– Эээх, наверное, нужно было брать ту пышную даму в платье в цветочек, – сказал дедушка, который понял, что ничего не вышло.

Грюн был в отчаянии.

– Вот что любовь с нашим братом делает? Пропадает парень! Пойдемте, мистер Грюн, мы вам нальем лекарство от сердечной боли, мы как раз откупорили один бочонок.

Куколку усадили обратно в кукольный домик, а на мистера Грюна больно было смотреть. Он после каждого глоточка эля поворачивал голову в сторону домика и протяжно вздыхал.

– Мистер Грюн, мы обязательно завтра еще попробуем, может быть день был неподходящим, – сказала София.

На утро, чтобы чуть-чуть развеять тоску Грюна, девочки предложили взять его с собой на пляж, посмотреть на бельков. Но мистер Грюн и на полметра отказывался отходить от кукольного домика. Тогда девочки взяли с собой и Миноко, а заодно и книгу из библиотеки. На обратной дороге они хотели сесть рядом со старым лодочным сараем на пляже и почитать ее, может быть ответ найдется в книге. Грюна посадили в маленькую корзинку вместе с куколкой, и он крепко держал ее за маленькую ручку.

Покормив бельков и показав Грюну больших тюленей, девочки вернулись на пляж к маяку. Прогулка немного отвлекла гнома, такие звери были для него в диковинку. Погода стояла отличная, он немного развеселился, надежда снова вспыхнула в его глазах. В приподнятом настроении компания расположилась в старой лодке около лодочного сарая. Усевшись на свернутый канат, девочки в четыре глаза читали книгу, по очереди переворачивая страницы. Иногда страницы переворачивал проказник ветер, и сестры теряли нить повествования. Море штормило, а брызги, ударившись о прибрежный камень, высоко разлетались, сверкая на солнце. Книга лежала на коленях Софии, а ее рука, сжимавшая Миноко, лежала поверх книги, чтобы ветер опять не прошелестел страницами. Они с Вивьен, прочитав историю о горгульях, обсудили возможность появления этих бестий у них в графстве.

Мистер Грюн опять печалился. Вдруг морская волна чуть сильнее ударила о камень, а ветер, которому не позволяли шалить со страницами, подхватил морскую воду и как брызнет, прямо на старую лодку. Прodelка удалась. Девочки от неожиданности вскрикнули, хохоча и оттирая брызги с лица. Ветер обрадовался и взвился ввысь, чтобы потом, распластавшись мягкой ладонью, пригладить высокую сухую траву на берегу за сараем. Мистеру Грюну досталось больше всех, его сюртук был мокрым от соленой воды, кепочка слетела. Он встрепенулся, стряхнул капли с лица и волос, вспомнив о Миноко, и снова схватил куклу за маленькую ручку, но в следующее мгновение понял, что в его мокрой ладони не холодный фарфор, а теплые нежные пальчики. Гном увидел свою возлюбленную. Веер упал из рук Миноко, она пыталась привести в порядок свою высокую гладкую прическу. Хорошо, что лицо и глаза Грюна были забрызганы соленой водой, она скрыла накотившие слезы радости и облегчения, которые он тут же смахнул рукавом.

– Получилось, у нас получилось!

Девочки переглянулись, ничего не понимая, и уставились на Грюна и Миноко.

Маленькая куколка стала миниатюрной ниппонской девушкой, размером чуть поменьше мистера Грюна. Она, наконец, справилась с прической из волос цвета безлунной ночи и, подняв веер, махала на свои щеки, покрасневшие от смущения.

– Какая же вы хорошенькая, Миноко! Приятно познакомиться! – сказала София.

– Совсем не понимаю, как же это все произошло, – Вивьен сидела, переводя взгляд с Миноко на книгу.

Миноко поднялась на ножки, сложила руки перед грудью и поклонилась.

– Вы сначала все не правильно дерари, – с незнакомым акцентом, сказала малышка. – Мое имя означает – Дитя моря, нужно быро умыть меня морской водой и порожить на книгу.

Не до конца понимая, что сказала его возлюбленная, гном задумался, а потом, поставив указательный палец вверх, заголосил:

– Я понял, Миноко, вы говорите вместо буквы «л» букву «р».

– Как это мило, – воскликнула София и захлопала в ладоши.

– Да, я еще не могу выговаривать эту букву, в ниппонском арфафите ее нет, но я постараюсь, – и щеки Миноко опять запылали, и она еще сильнее начала обдывать их веером.

– Мне нравится, – сказала Вивьен, – Значит, вы теперь, мистер, будете Равадовый Грюн, – и все, включая Миноко захохотали.

Компания отправилась домой, чтобы сообщить радостную новость родным.

Зайдя на кухню, где мама с бабушкой резали овощи для ужина, девочки выставили на стол Миноко и Лавандового Грюна.

Миноко поздоровалась и поклонилась, сложив маленькие ручки, а мама с бабушкой вскрикнули, испугавшись:

– Оооой!

– Вот заговорщики, у вас все-таки получилось!

В дом вошли папа и бабушка и воззрились на семейство.

– Ах, мистер Грюн, ах, ловелас. Да как же вам это удалось? – спросил папа.

А бабушка философски вставил:

– Любовь творит чудеса!

– Теперь нам понадобится что ни будь покрепче эля, свадьба впереди!

Все познакомились с Миноко и потихоньку начали привыкать к ее манере разговора.

Мистер Грюн в знак того, что помолвка состоялась, вытащил из высокой прически Миноко прядь длинных шелковистых волос, заплел косичку и заправил ее обратно, а потом заплел такую же косичку себе.

Девушка встrepенулась, – Ах, я же доржна вам кое-что вручить.

Она достала из кармашка семь конвертов и вручила их всем присутствующим.

Конвертики были такими маленькими, что никто не мог справиться с подарком, и Грюна попросили открыть их все.

Жених открывал конверты и с каждым новым все более озадаченно смотрел на Миноко. В них лежали высушенные каракатицы, морские водоросли и маленькие веера, как у невесты.

Взрослые удивленно смотрели на подарки, а сестры крутили на ладошке веера.

– Это ниппонские символы счастья, – гордо ответила Миноко, – Мне порожила их в кармашек моя бабушка перед отъездом.

– Очень предусмотрительная бабушка! – заулыбалась миссис Энн, – спасибо большое!

Девочки уже обсуждали, что же они наденут на свадьбу и как все устроят.

Ой, но ведь у Миноко совсем не одежды! – воскликнула София.

– Нужно срочно это исправлять, даме нельзя совсем без гардероба— сказала Мэри, – у меня есть несколько чудесных шелковых платков, из которых получатся отличные новые кимоно.

Мистер Грюн заверил всех, что ему не составит труда сшить новую одежду Миноко:

– Пара-тройка дней, и все будет готово!

– А кто же их обвенчает? – спросил Питер, – боюсь, если мы с таким вопросом обратимся к пастору Филиппу, он нас неправильно поймет. Наше семейство и так натерло мозоли на языках местных кумушек-сплетниц.

Грюн опять поник.

Бабушка с хитрой улыбкой сказал:

– А вот это я беру на себя. Я же капитан, друзья, или вы уже забыли о том, что я владелец новенького корабля, который стоит на причале. То-то я засиделся с вами на суше. Ведь капитан имеет право обвенчать возлюбленных на борту своего судна!

Так и условились, капитан Эдвард выведет свой корабль вместе с гостями и новобрачными в открытое море и обвенчает пару. День свадьбы назначили через две недели.

К этому времени нужно было успеть сшить для Миноко – белое свадебное кимоно.

Ровно через две недели все было готово. Нарядно одетые женщины, с трудом уместив пышные юбки в повозке, расселись по своим местам, и Питер тронул поводья. Пудинг, торжественно поднимая колени, покатил всех в Эмеральд.

Коня оставили на попечение Омара, это его вполне устраивало, он становился нервным при одном воспоминании о корабле и мышах.

«Азур» был готов к церемонии, капитан Эдвард с женихом ждали всех на борту. На палубе соорудили арку, украшенную розовыми шелковыми лентами, время цветущей вишни и пионов не наступило, а от других цветов Миноко отказалась. Под аркой стоял стол, так как молодожены были слишком малы ростом.

Капитан направил корабль в пролив и приготовился обвенчать молодых. Команда корабля высыпала на палубу, чтобы понаблюдать за невиданным зрелищем. Свадьба на корабле! Да еще какая свадьба, таких маленьких молодоженов никто из них не видел. Удивлению всех не было предела. Миноко в белом кимоно и в белом головном уборе из парчи, расшитой золотыми нитями, и мистер Лавандовый Грюн в черном кимоно и широких брюках в мелкую полоску.

– Наш щеголь умеет удивлять! – очнулся от изумления Питер.

– Вы превзошли себя, сэр! – развела руками миссис Энн.

– Это не я, это Миноко, она придумала одеть меня в национальный свадебный костюм, мне очень нравится, – смущенно оглядывал себя Грюн.

Миноко скромно улыбнулась.

Молодожены сложили руки и поклонились гостям.

Мистер Эдвард прочитал торжественную речь и задал традиционный вопрос, на который все уже и так знали ответ:

– Согласны ли вы, мистер Равадовый Грюн, взять в жены Миноко? Любить, оберегать, поддерживать ее в здравии и в болезни? – спросил дедушка с невозмутимым лицом. Гости прикрыли улыбки ладошками.

– Да, согласен!

– Согласны ли вы, Миноко, выйти за муж за мистера Грюна? Любить, уважать и делить с ним и радость, и горе на протяжении всех дней, подаренных вам судьбой?

– Да, согласна!

Молодые обменялись клятвами и поцелуями.

Миноко прикрыла лицо веером, и щеки ее на белоснежном личике вспыхнули.

В кают-компаниях был накрыт праздничный стол, и гости, немного замерзнув от морского бриза, с удовольствием заняли свои места. Музыканты тоже переместились в кают-компанию. За молодых подняли бокалы и, вместе с пожеланиями, начали дарить подарки.

Папа смастерил два мягких кресла и сделал настоящий маленький камин, который пообещал установить в кукольном домике.

Бабушка сшила занавесочки и покрывало с рюшами.

Мэри и девочки нашли в магазине кукол настоящий фарфоровый сервиз на двенадцать персон, в котором были даже соусники и маленький заварочный чайник.

А больше всего удивил дедушка. В музыкальной лавке мистера Клауса он отыскал миниатюрный кото. Это была точная копия музыкального струнного инструмента из страны Ниппон, что-то между арфой и гусями.

Миноко воскликнула:

– Какое чудо, спасибо, мистер Эдвард, где же вы нашли его?

– Всегда пожалуйста, кто ищет тот всегда найдет. Я и о себе тоже подумал, – улыбнулся дедушка, – Будете теперь радовать нас музыкой по вечерам.

Свадебный торт заказали у мадам Цинамон, она так и не поняла кто женится, пожала плечами и сделала к свадьбе свой сладкий шедевр. Торт был трёхъярусный, украшенный съедобными цветами и фигурками жениха и невесты на верхушке. Правда, фигурки на торте превосходили размером настоящих молодоженов. Его торжественно внес в кают-компанию кок и вручил мистеру Эдварду большущий нож.

– Я думаю, молодые будут не против, если я сам это сделаю, – сказал капитан и отрезал всем по кусочку.

Команде тоже досталось деликатесов и торта. Моряки уже привыкли, что все, что связано с капитаном и его семьей, больно чудно. Но чего рассуждать, от добра добра не ищут. Жалование хорошее, капитан команду не обижает, они благодарили бога, что устроены получше многих в Эмеральде. А свадьба, чья бы она ни была, всегда хорошо. Моряки вечером рассказывали родным диковинную историю любви. И как бы малы не были молодожены к утру это уже стало местной легендой. Молодые девушки устремились в порт, чтобы отрезать кусочек свадебной ленточки, которыми был украшен корабль, чтобы сохранить как талисман на счастливое замужество.

Жизнь молодой семьи пошла своим чередом. Глаза Грюна светились от любви и счастья, он души не чаял в своей жене.

Миноко была очень скромной, но ее взгляд из-под опущенных ресниц тоже светился любовью. Так и зажили они в кукольном домике на маяке.

Глава 11

Мечты имеют свойство сбываться

Бельки сильно подросли, и папа посоветовал не давать им больше «ароматное» молоко, а приучить есть рыбу кусочками.

Легко сказать, приучить. Тюленята никак не понимали, что ее нужно жевать. Привыкнув к соскам, они упрямо выплевывали кусочки рыбы. Вивьен с Софией снова приходили домой все измазанные. Вивьен объясняла им на тюленьем языке, что рыбу нужно учиться жевать. Они с Софией изображали себя кушающими кусочки рыбы и громко чавкали, закатывая от удовольствия глаза. Наконец, на третий день основательно проголодавшиеся бельки все-таки согласились жевать треску. Девочки вздохнули с облегчением. Они сидели и гладили тюленят по спинкам. Но вдруг заметили на руках клочки белой шерсти, она начала выпадать, обнажая черную кожу.

– Что же это? – испугалась Вивьен.

– Помнишь, мама говорила, что их называют бельками из-за этой шубки, которая должна смениться на темную щетинку как у взрослых тюленей.

– Значит, скоро они смогут плавать?

– Да, и, наверное, уплывут с сородичами обратно к Янтарному берегу, – грустно вздохнула София.

К белькам она так привыкла, и расставаться совсем не хотелось.

Через несколько дней вся шкурка бельков вылезла и ей на смену стала появляться гладкая шубка серого цвета в темное пятнышко.

Теперь они стали миниатюрной копией своих родителей, и девочки решили дать им имена. Тюленят назвали Спэк и Флэк. Вивьен объяснила им кто из них кто, и через несколько дней они уже, как щенки, отзывались на клички.

Теперь большой отец-тюлень мог участвовать в воспитании детей, он вздохнул с облегчением. Настало время обучения, и он вывел близнецов в море, чтобы открыть секреты охоты. Тюленята выросли на глазах, они перестали быть беззащитными малютками и стали проказниками-подростками. В море им очень понравилось, какая свобода и скорость, не то, что на суше. Спэк и Флэк раньше братьев и сестер намочили свои новые шкурки, охота была для них как игра, и играючи они стали самыми отважными и ловкими пловцами-охотниками из сверстников.

Питер после свадьбы загрузил. Он привык к своей жизни на маяке и почти забыл морскую свободу, но небольшая прогулка на «Азуре» воскресила в его памяти радость морских путешествий. Морьяка не переделать, морская вода у них вместо крови, даже если жизнь разлучила тебя с родной стихией, тоска по свежему ветру и соленым брызгам в лицо не утихнет.

Он стал чаще выходить в море на лодке, как будто порыбачить. Девочки тоже увязывались за ним хвостиком, если не были заняты своими подопечными на дальнем пляже. В один из дней они тихо покачивались в лодке с удочками. Каждый был занят своими мыслями.

Питер мечтал о морских походах. София представляла себя на воскресной службе в новом платье, а Вивьен занимал вопрос: «Если у Грюна и Миноко появятся дети, то на кого они будут больше похожи?»

Вдруг, прямо между удочек Софии и Вивьен, высунулась маленькая блестящая от воды голова.

– Спэк! – закричала Вивьен. И тут же из воды появился Флэк и, ударив по воде ластами, обрызгал сидящих в лодке.

– Папочка, папочка, смотри как далеко они уже могут заплывать.

Головы тюленят торчали около лодки, девочки скормили им весь свой улов. Папа протянул руку и погладил обоих и усмехнулся:

– Вот кому рассказать – не поверят, ручные тюлени.

А тем временем Спэк и Флэк прощались. Они рассказали Вивьен, что завтра рано утром вся их многочисленная семья отправляется к Янтарному берегу.

Рядом с малышами появилась голова их отца:

– Хотел поблагодарить маленьких мисс, за заботу и доброту. Если бы не вы, малыши бы не выжили без матери. Мы уплываем завтра к родным берегам, удачи, мы навестим вас в следующем году.

– До свидания!

– Прощайте! – ответили девочки, утирая раскрасневшиеся носы. Они в последний раз погладили Флэка и Спэка и разрыдались у отца на груди.

– Что это за сопливая команда, зачем же плакать. Вы у меня такие молодцы, спасли двух малышей.

Вечером за ужином девочки рассказывали про то, как тюленята приплыли попрощаться, глаза их опять оказались на мокром месте.

Родители незаметно переглянулись, как заговорщики, пока успокаивали дочек.

На следующее утро дедушке снова пришлось вставать до восхода солнца и он негромко ворчал:

– Если к нам еще кто-нибудь заявится на пляж, дельфины там или русалки, я больше не участвую в их выкармливании и воспитании, – потом с озорством с глазах продолжил, – а ты, Энни, случайно не знаешь, что едят русалки?

Бабушка кинула в мистера Эдварда подушкой и расхохоталась, прикрыв ладошкой рот, – как бы не разбудить девочек, – а потом предложила, – давай я поеду с тобой.

Дедушка сразу перестал ворчать.

– Вылезать из теплой уютной кровати вдвоем – это совсем другое дело. Было бы замечательно! Ты согреешь мне в дороге один бок, – засмеялся мистер Эдвард и обнял жену.

Налив крепкого горячего чая в походную фляжку мистера Эдварда и обернув ее несколькими слоями газеты, чтобы чай подольше не остыл, заговорщики отправились в путь.

Им предстояло небольшое путешествие на ферму мистера Олафа, но не за рассольным сыром или свежим молоком, хотя хозяйственная бабушка их тоже прихватила на обратной дороге.

Папа, как обычно, разбудил девочек горячей кружечкой чая с молоком. Они сидели сонные в кровати, отхлебывали сладкий чай, и обсуждали, чем же им сегодня заняться. Тюлени уплыли, и большая часть времени, свободная от занятий, требовала какого-то применения.

– Может устроить сегодня кукольный театр?

– Хорошая идея, а Миноко и Грюну придумать роли в спектакле?

– Предлагаю «Сон в летнюю ночь». Миноко будет Гермией.

И София с выражением прочитала:

– О, если все, кто любит, злополучны! То, стало быть, таков закон судьбы. – И, удерживая кружечку с чаем одной рукой, вторую прижала тыльной стороной ладони ко лбу и закинула голову.

В следующую секунду снизу донеслось тоненькое тьяканье. «Сон в летнюю ночь» был забыт, девочки, звякнув кружками о блюдечки, быстро поставили их на стол. Прямо босиком, в ночных сорочках, близнецы скатились вниз.

Посередине гостиной, на ковре, растопырив лапы, звонко лаял маленький бигль, которого папа раззадорил только что сделанной игрушкой – пеньковой веревкой, свернутой в тугую

узел. Он начал бегать вокруг сидящего на ковре папы и пытался отнять веревку. Мама с бабушкой и дедом стояли, улыбаясь, рядом.

– София, может сегодня Рождество, а мы забыли?

– О, Вивьен – это Рождество, День рождения и Пасха – все в один день. Неужели нам купили собаку?!

Девочки кинулись гладить бигля и, повалив папу на ковер, целовали его в обе щеки, а щенок помогал им и вылизывал Питеру нос.

– Подождите, подождите, – хохотал папа, – облизывать нос нужно деду. Это они вместе с бабушкой рано утром ездили за собакой на ферму мистера Олафа.

– Подхватив на руки щенка, девочки кинулись к деду.

– Вот сопливая команда! Слезы по тюленям, я надеюсь, забыты?

Расцеловав и облизав заодно бабушку и маму, сорванцы отправились в свою комнату.

– Советую одеть вам брюки сегодня, милые леди, иначе вечер вы рискуете провести за стиркой подолов, – шутливо крикнула им вслед бабушка, – а вот ковер нам придется на время убрать, – повернулась она к Питеру, который до сих пор сидел посередине гостиной.

Одевшись в рекордно быстрые сроки, троица засобиралась на улицу.

– Как же вы его назовете? – спросила Мэри.

– А у него уже есть имя, мама назвала его Шелтон, – ответила Вивьен.

– Отлично, а то я думала у вас выйдет спор.

Шелтона познакомили с Пиппи, Роуз и Пудингом, это было неугомонное чудо, ему все было интересно. Он задал тысячу вопросов Вивьен и смутил всех присутствующих в сарае.

– Что у Роуз на голове? Умеет ли Пудинг лаять? Когда у Пиппи вырастет шерсть и настоящий хвост?

Тюлени действительно были забыты. Сбылась их давняя мечта, и с этого дня троица стала неразлучной.

Но дедушкины сюрпризы не закончились. Отцовское сердце чувствовало тоску Питера, и хоть сын и не говорил о своих переживаниях, отец как никто другой понимал его. После злополучного путешествия, когда упавшая мачта придавила его, Питер не мог исполнять тяжелую работу и наемным работником на корабле быть не мог. Но теперь им принадлежал «Азур», и дедушка был вправе распоряжаться кораблем по своему усмотрению. Что бы сын вновь ощутил радость, которую моряк может испытать только в море, капитан Эдвард приготовил сюрприз.

Когда вся семья собралась за столом в гостиной, дедушка объявил:

– Хочу сделать небольшое заявление, родные мои. С сегодняшнего дня я назначаю капитаном «Азура» Питера! Питер Олдридж! Я нанимаю вас, как судовладелец, на должность капитана! – и, положив перед Питером контракт и перо для подписи, ждал его реакцию.

Глаза сына загорелись.

– Но, папа, как же маяк? И потом, я никогда не выходил в море капитаном.

– С маяком я справлюсь, не переживай. А если соскучусь и захочется в море, я в любой момент могу заменить тебя. У меня как раз есть заказ. Нужно перевезти через пролив большую партию ячменя, в Фюнкерке его уже заждались местные пивовары, а я все не решался отплыть.

– Отец! – счастливый и растерянный Питер не знал, что ответить. Он запрещал себе слабости и жестоко пресекал в себе все мечты, так как понимал, что они ни к чему не приведут, и моря ему уже больше не видать как своих ушей. Но маленькое путешествие с Грюном и Миноко всколыхнули в его душе давно забытые чувства. Так и решили. Питер подписал контракт, скрепив его крепкими объятиями и рукопожатием. Мэри была рада, она тоже чувствовала тоску Питера, которую он старательно от нее скрывал, но любящее сердце не проведешь.

Мистер Эдвард посмотрел на миссис Энн, он рассказал ей утром о своих планах. Материнское сердце сжала тревога, как обычно перед морскими походами, но она хорошо знала своих мужчин – таких около юбки долго не удержишь, отважные, своенравные, мужественные.

Девочки начали упрашивать папу взять их с собой.

– Ну уж нет! С ума вы что ли все посходили! С вас пока хватит и Шелтона, – сказала мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.